

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

САЙТАЕВА Татьяна Ильинична

ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

09.00.11 – социальная философия

Диссертация

На соискание ученой степени

Кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор О.Н. Бушмакина.

Ижевск 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. Стереотипизация социальной субъективности в языковых конструктах.....	9
§1 Социальные стереотипы в структурах повседневности.....	9
§ 2 Субъективное основание социальной типизации.....	31
§3 Когнитивные аспекты существования стереотипа.....	56
ГЛАВА II Со-бытие коммуникативной реальности в пространстве стереотипичности.....	76
§1 Аутопойезис языка социальной коммуникации.....	76
§2 Самоопределение социальной целостности в структурах стереотипа.....	95
Заключение.....	123
Библиографический список.....	129

Введение

Актуальность исследования.

Предметом социальных исследований все чаще становится социальный стереотип. Повышенный интерес к данному феномену объясняется отнесением его к разряду основных регулирующих начал социального бытия индивида.

С одной стороны, социальный стереотип необходимо предъявляет социальную реальность в типизациях, не требующих мышления. Социальность задается как нерелексируемая повседневность или самоочевидность. Индивид трансформируется в нерелексирующее существо, заданное действием «социального инстинкта». На пределе подобного представления, индивид превращается как бы в «природный механизм». Происходит исчезновение субъективности, смысла социальной реальности и смысла языка. Пространство социального бытия становится пустым, организованным как пространство «пустых» мест, «пустых» знаков. Социальность становится симулятивной, распадается на «атомы». Возникает проблема представления социального как целого, наполненного смыслом.

С другой стороны, социальный стерео-тип позволяет задавать множественность социального и индивидуального через типизацию, сокращая необходимые усилия для организации социального существования, облегчая возможность представления социального в когнитивных структурах. Поскольку социальная типизация обусловлена когнитивностью, постольку возникает возможность выражения социального в структурах языка. Создается условие для отождествления социальной и языковой реальности. Языковая реальность предстает как саморефлексирующее целое, или самоопределяющаяся субъективность. Из тождества социальной и языковой реальностей следует возможность задать социальное целое как самоопределяющуюся коммуникативность, которая может рассматриваться как аутопойетический конструкт.

Степень изученности проблемы. Не смотря на то, что до настоящего момента проблема языковой природы социальных стереотипов не являлась предметом специального социально-философского анализа, можно выделить ряд блоков работ, в которых затрагиваются проблемы, представленные в данном исследовании.

Во-первых, – это философские и психоаналитические концепции субъекта. В контексте представленного исследования особую значимость приобретают те из них, в которых субъект рассматривался как самоидентифицирующийся. У истоков такого понимания находятся классические труды Г. В. Ф. Гегеля, Р. Декарта, И. Канта, Ф.В.Й. Шеллинга.

Из современных отечественных авторов, активно разрабатывающих проблематику коммуникации, следует выделить М.Бобневу, Ю. Буданцева, И. Мальковскую, М. Назарова, И. Ревзина, А. Соколова, В. Шнейдера и др. Психологический подход к исследованию коммуникации представлен работами как зарубежных, так и отечественных авторов – Д. Бивина, Л. Выготского Д. Джексона,; социологический – работами Г. Лассауэла, Г. Маркузе Л. Фестингера,; семиотический – работами Т.А. ван Дейка, Г. Почепцова, Ю. Шрейдера, У. Эко.

Следующий блок – это исследования, в которых реализуется онтологический и конструктивистский подходы к описанию социальной реальности через ее тождество с коммуникативной реальностью. Рассмотрение коммуникативной реальности через конструкты было впервые предложено М. Маклюэном. Современный конструктивистский подход наиболее полно представлен работами Д. Ваттимо, П. Вирилио, Н. Лумана, Е.С. Кубряковой, В.Б. Шнейдера.

Третий блок включает в себя труды авторов, посвященные описанию социальной реальности как повседневности: И. Касавина, С. Щавелева, А. Шюца, П. Бергера, Б. Вальденфельса, И. Гофмана, Т. Лукмана.

Следующий блок – сочинения, связанные с философией языка и текста, в которых решается задача структурирования социальной коммуникации в структурах текста. Это – труды Р. Барта, Л. Витгенштейна, Т. А. ван Дейка,

Р. Лангакера, М. Мерло-Понти, П. Рикера, Ф. де Соссюра, У. Эко, В. Шмида, В. Карасика, С. Карцевского, Г. Колшанского, Кубряковой, Ю. Лотмана, Ю. Степанова и др.

Заключительный блок – публикации, связанные с изучением самоопределения смысла социальной реальности в герменевтическом аспекте. Это исследования О. Бушмакиной, В. Колчиной, А. Мерзлякова, М. Полищук, М Э. Рогозиной, Рябова, А. Шадрина.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются языковые структуры социальной реальности. Предметом философского анализа оказываются объективированные основания социальных стереотипов, предьявляющиеся в языковых структурах.

Цель и задачи исследования. Цель работы в установлении языковых оснований бытия социальных стереотипов как структур самоопределяющейся субъективности в пространстве социальной дискурсивности. Для осуществления поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- определить способы существования социальных стереотипов в структурах повседневности;
- выявить субъективные основания социальной типизации;
- задать существование стереотипа в аспекте когнитивности;
- представить аутопойезис языка социальной коммуникации в структурах автономной целостности;
- установить способ самоопределения социальной целостности в структурах стереотипа.

Теоретико-методологические основания исследования. Общей теоретико-методологической основой исследования социальной реальности является целостный онтологический подход, который в современной философии и данном диссертационном исследовании представлен в герменевтическом и конструктивистском аспектах. Смысл в

герменевтическом аспекте представлен в тождестве языка и мышления; конструктивизм же рассматривает автономные структуры языка и мышления.

Целостность обнаруживается методом субъект-объектного тождества Й.Ф.В. Шеллинга, реализующийся в современной философии через принцип презумпции языковых смыслов и принцип социального аутопойезиса. Предъявленное тождество на границе социальной реальности как языковой реальности, определяется в точке со-бытия смысла социального бытия, которое манифестируется в конструктах языка.

На формирование концепции данной диссертационной работы значительное влияние оказали труды М. Хайдеггера и Г. Гадамера, где со-бытие есть предельная и потому единственная точка со-в-местности бытия, языка и мышления. Кроме того, исследовались размышления Ж.-Л. Нанси, П. Рикера, посвященные текстуальности как самоопределению субъективности в структурах понимания.

При рассмотрении проблем, связанных с языковым существованием реальности, уделялось особое внимание таким авторам, как В. Руднев, М. Фуко, М. Хайдеггер, У. Эко и др.

Социальность и структуры социальной реальности наиболее полно представлены в работах Ю. Качанова, Н. Шматко, Ж. Бодрийяра, П. Блау, М. Вебера, Т. Парсонса и др.

При анализе коммуникативной реальности был использован принцип аутопойезиса, который позволил рассматривать коммуникацию как замкнутую, автономную структуру, не трансцендируя субъекта за пределы изучаемой целостности. Выбор концепции аутопойезиса потребовал обращения к трудам Е. Кубряковой, В. Шнейдера, Н. Лумана, П. Хейли.

В рассмотрении проблем существования текста, нарративности и дискурсивности наиболее значимыми определены произведения Р. Барта, Ж. Дерриды, Г.-Г. Гадамера, П. Рикера, В. Шмида и др.

Научная новизна основных результатов исследования состоит в следующем:

- определено, что пространством бытия социальных стереотипов, сферой их смыслоположения является социальная очевидность, представленная в структурах повседневности;

- выявлено, что социальная субъективность на пределе смысла объективируется в языковых стерео-типах, как социальных типизациях, проявляющихся в «место»-положении социального индивида как типа, существующего в пространстве социальной нормативности;

- заданы когнитивные основания социального стереотипа как конструкта категоризированной субъективности, которая структурирована языковыми концептами и существует в границах концептуального поля социальной реальности;

- представлен аутопойезис языка социальной коммуникации как автономной самоорганизованной целостности, самоопределяющейся в структурах со-общения как самопонимающего диалога говорящего и слушающего, существующих в контексте коммуникативной ситуации;

- установлено самоопределение социальной целостности в точке субъекта как со-бытия социального бытия, в которой осуществляется саморефлексия языка на пределе социального пространства, организованного в структурах стереотипа.

Положения, выносимые на защиту:

- определяется, что пространством бытия социальных стереотипов, сферой их смыслоположения является социальная очевидность, представленная в структурах повседневности;

- выявляется, что социальная субъективность на пределе смысла объективируется в языковых стерео-типах, как социальных типизациях, проявляющихся в «место»-положении социального индивида как типа, существующего в пространстве социальной нормативности;

- задаются когнитивные основания социального стереотипа как конструкта категоризированной субъективности, которая структурирована языковыми концептами и существует в границах концептуального поля социальной реальности;

- представляется аутопойезис языка социальной коммуникации как автономной самоорганизованной целостности, самоопределяющейся в структурах со-общения как самопонимающего диалога говорящего и слушающего, существующих в контексте коммуникативной ситуации;

- устанавливается самоопределение социальной целостности в точке субъекта как со-бытия социального бытия, в которой осуществляется саморефлексия языка на пределе социального пространства, организованного в структурах стереотипа.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в построении модели социальной реальности как языкового бытия, структурированного в пространстве социальных стереотипов. Проведенное в работе исследование языковой природы социальных стереотипов может служить теоретическим основанием для междисциплинарного анализа социальной реальности, понимаемой в ее тождестве с языковой, определяющейся на пределе смысла в конструктах социальных стереотипов. Использование результатов исследования может быть полезным при разработке ряда тем по современной социальной философии и при подготовке спецкурсов по проблемам социальной коммуникации.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования неоднократно обсуждались на аспирантских семинарах кафедры философии УдГУ, излагались в выступлениях на Международной научно-практической конференции (Ижевск, 2004), на Международном форуме «Высокие технологии – 2004» (Ижевск, 2004), на итоговой студенческой научной конференции (Ижевск, 2004), на Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические и политические условия развития гражданского общества в современной России», (Ижевск, 2005), на VII научно-практической конференции преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященной 245-летию Ижевска (Ижевск, 2005) и были опубликованы в ряде сборников статей конференций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации представлен 128 с. основного текста и 19 с. библиографического списка, включающего 250 наименований источников.

ГЛАВА 1 Стереотипизация социальной субъективности

в языковых конструктах

§1 Социальные стереотипы в структурах повседневности

Задачей, поставленной в данном параграфе, является объяснение существования социальных стереотипов в структурах повседневности. Она обусловлена проблемой поиска субъективных оснований социального бытия, структурированного некими базисными представлениями, которые не всегда осознаются, но всегда присутствуют в существовании социальных индивидов, задавая общие, универсальные характеристики социальности.

Социальность как повседневность представляет собой реальность, которая интерпретируется индивидами и имеет для них субъективную значимость в качестве целостности социального бытия. Социальные индивиды в их субъективно осмысленном поведении считают повседневность само собой разумеющейся реальностью. Это реальность, создающаяся в их имманентной субъективности, которая проецируется вовне и переживается ими в качестве действительности как объективной данности. Необходимо прояснить основания повседневного бытия как присутствия, а именно, способы объективации субъективных процессов (и смыслов), с помощью которых конструируется intersубъективный повседневный мир; выявить структуру повседневности. Поскольку, в границах выбранного подхода, социальная реальность понимается в тождестве с языковой, постольку основой осмысления социальных процессов выступает язык, который позволяет понять бытие социальных стереотипов в дискурсе повседневности.

Каждый отдельный индивид является исторически организованным единством. Он репродуцирует в своем сознании и поведении имеющиеся в социуме, а значит известные образцы. Согласно «теореме Гофмана»:

«попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас»¹. Социум существует и познается как изначальное и неизбежное условие актуального бытия индивидов, но, прежде всего – повседневности. В этом смысле, он предъявляет некоторые объективные социальные структуры, в которых осуществляется его бытие как присутствие. Общество начинает пониматься им как нечто само собой разумеющееся, как данность, которая может вызывать сомнение только применительно к частностям, но не к факту своего существованию в целом. С этих позиций, очевидность социального и его структура одинакова для всех индивидов, взятых в отношении способности существования, т.е. как для «Я», так и для «Другого» с учетом пространственно-временных и биографических обстоятельств. Социальная данность intersубъективна, она познается как intersубъективность во взаимодействии индивидов, которое осуществляется с помощью общих законов или рецептов.

Объективация социального как данности, утверждается в условном вынесении индивида за пределы социума, так что общество, по замечанию И. Касавина и С. Щавелева, представляет собой внешнюю, противостоящую индивиду устойчивую социальную структуру, которая не может быть изменена, – к ней можно только приспособиться². Такое понимание типично для обыденного сознания. Оно задает повседневность в «естественной установке» как некую первичную и автономную реальность, т.е. субстанцию, которая существует сама по себе и не требует ничего для собственного существования. Обыденное знание, как понимает его основатель социальной феноменологии А. Шюц, оказывается адекватной рефлексией этой реальности. Оно всегда пред-послано научной работе и является основой для социологических исследований. Таким образом, обыденное сознание и «естественная установка» представляют собой социальный феномен.

Феномены повседневной жизни систематизированы в образцах, т.е. стереотипах, которые кажутся независимыми от понимания индивида и

¹ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М. 2004. с. 7

² Касавин И.Т. Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.

которые как бы налагаются на него. Реальность повседневной жизни оказывается уже объективированной, т.е. конституированной порядком объектов, которые были обозначены как объекты до появления индивида. В том же контексте К.Манхейм говорит о том, что неверно считать индивида мыслящим, а значительно вернее было бы считать, что он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникающем до него. Индивид обнаруживает себя в «унаследованной ситуации» и, овладевая соответствующими данной ситуации моделями мышления, «пытается разработать унаследованные типы ответа или заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, возникшие из сдвигов и преобразований данной ситуации»³.

Как утверждает А. Шюц, «каждый мир, пока на него обращено внимание, по-своему реален; только вместе с вниманием и реальность эта исчезает»⁴. Реальность уходит только из поля зрения индивида. Его фокус зрения переключается на другой объект, и он попадает в другую реальность. Вслед за П. Бергером и Т. Лукманом, учениками А. Шюца в феноменологической традиции, можно утверждать, что «по мере перемещения из одной реальности в другую я воспринимаю этот переход как своего рода шок, который вызван переключением внимания в связи с этим переходом»⁵.

Лучше всего это иллюстрируется тем состоянием, которое испытывает индивид, просыпаясь, (описывая объективную реальность, т.е. выходя за рамки, границы данной реальности, он тем самым «просыпается» или попадает в другую реальность). Пробуждение и засыпание издавна ассоциировались в обыденном сознании с расставанием и встречей души с телом, с погружением в другой мир и возвращением из другого мира – мира сна, мира странных и неожиданных впечатлений и испытаний, дающих новое знание.

³ Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. С.27

⁴ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. 2004. с. 401

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум; Academia-Центр. 1995. с.37

Повседневная жизнь воспринимается в состоянии бодрствования. Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается индивидом как нормальное и самоочевидное, то есть составляет его «естественную установку». Это говорит о том, что индивид переживает и интерпретирует повседневную жизнь как реальность. Но интерпретация происходит на основе не только его собственных, а также и прежних переживаний, переданных ему предыдущими поколениями, в структурах знания. Поскольку, он оперирует прошлыми переживаниями, оформленными в неопровержимом, а значит, самодостоверном и самоочевидном знании, постольку оно воспринимается нерефлексивно в готовых социальных стереотипах как в «естественной установке» повседневности, включающей в себя устойчивые структуры прошлого опыта, пережитого предками. Он проецируется на непосредственность актуального переживания индивида так, что возникает представление о том, что «чувственное восприятие, память, опыт, воображение и разум – все это включено в общую связь, элементы которой суть лишь различные стадии и выражения одной и той же основополагающей деятельности, которая достигает высшего совершенства у человека, но отчасти представлена у животных, а также и во всех формах органической жизни»⁶. Таким образом, оказывается, что индивид существует совершенно бессознательно, а именно: его тело (его эмоциональное или психофизиологическое состояние) как бы подбирает (как реакция на какое-то действие) стереотип, который воспроизводит социальную действительность из определенной точки социального пространства. Например, контактные дистанции составляют одну из констант социального статуса индивида и прослеживаются не только в различных паралингвистических проявлениях, но и в языке: «Многие обращения к незнакомым людям начинаются с извинений: «простите», «извините»⁷. Актуализируются языковые клише как устойчивые структуры,

⁶ Касирер Э. Проблемы человека в западной философии. М. 1988. с. 5

⁷ Карасик В.И. Язык социального статуса. М.:ИТДГК «Гнозис», 2002. с. 46.

т.е. «в стереотипах фиксируются некоторые признаки предмета, релевантные для данной культуры и для данного социума»⁸.

Индивиды, представленные в пределах стереотипа «усвоенного прошлого опыта», предъявленного в языковых структурах, понимаются как некое единство, или социальная группа, составляющая часть социальной реальности. Здесь каждое общество понимается как способность к существованию, т.е. к накоплению опыта. Он является основанием для существования социальной группы во времени. Естественно, социальная группа заинтересована в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям. Стереотип настолько последовательно передается из поколения в поколение, что кажется присущим физиологии индивида⁹. Передача накопленной информации происходит двумя путями: генетически и негенетически. «Передача ненаследственной информации осуществляется в процессе социализации и целиком основана на научении»¹⁰. Хранение, передача и аккумуляция социальной информации предполагает ее упорядочение, во-первых, и отбор наиболее значимых фрагментов – во-вторых. На выполнение этих функций и ориентирован механизм стереотипизации. С его помощью накапливаемая информация представляет собой не просто сумму полезных знаний, но определенным образом организованный опыт, который благодаря наличию структуры может быть передан во времени. При этом «коллективная память», видимо, тоже имеет свои пределы. Она не может включать весь опыт.

Стереотипизация наиболее значимой информации позволяет не только осуществлять отбор, но и сохранять ее рабочий объем в условиях постоянного обновления. «Таким образом, стереотипизация информации является действенным средством не только для компенсации энтропийных потерь, но и в борьбе с эктропией»¹¹. Речь идет о множестве проекций или структур, взаимодействующих и перекрывающих друг друга,

⁸ Красных В. Заметки на последней странице в кн. В. Карасика «Язык социального статуса». М.: Гнозис, 2002. с. 328.

⁹ Липпман У. Общественное мнение. М, 2004.

¹⁰ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории традиции. – СЭ, 1981, №2, с. 81

¹¹ Бернштейн Б.М. Традиции и социокультурные структуры. – СЭ.1981. №2. с. 107

противоречащих и сочетающихся, намечающих новый строй межсубъектных связей, которые ориентируют индивидов на его воплощение в стабильные социальные формы. Такая работа сознания предполагает со-действие различных конкретных индивидов. Она возможна в среде, гарантирующей различным индивидам широкие возможности для самоутверждения, лимитирующей их действия не силой принуждения (или его постоянной опасностью), а нормами, выработанными, воспринятыми и защищаемыми, прежде всего самим процессом их бытия. В такой структуре социального бытия главным вопросом сознания оказывается не вопрос о том, что оно сознает, но вопрос как оно «знает то, что знает».

Сознание всегда интенционально, оно всегда направлено на объекты или предполагает их. Различные объекты представляются сознанию как составляющие элементы разных сфер реальности. Это значит, что сознание способно перемещаться в различных сферах реальности. Иначе говоря, субъект осознает социальный мир, как состоящий из множества реальностей или, как называет их У. Джемс «подмиров»¹². Обыденный разум воспринимает все эти подмиры более или менее обособленно друг от друга и, имея дело с одним из них, забывает на некоторое время о его связи со всеми остальными. Любой объект, о котором можно подумать, соотносится, в конечном счете, с каким-то из этих подмиров. А когда индивид думает об определенном объекте, перед ним появляется какая-то проблема, он задает какой-то вопрос. Он находится «в биографически детерминированной ситуации»¹³, т.е. в определяемом им «физическом» и социокультурном пространстве, в котором занимает определенное место. Определенность социальной позиции задает определенный стереотип для решения вопроса.

Актуализация повседневного бытия в качестве бытия совместного, достижение относительной симметрии самоидентичности и социальной идентичности индивидов осуществляется в социальном пространстве, где социальная группа представляется как определенная конфигурация или

¹² James W. Principles of Psychology. Vol. II. Chapter XXI. P. 283.

¹³ А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. 2004. с. 62.

конstellация индивидуальных позиций, образующих пространственную расположенность или ситуацию в социальном пространстве. Социальная реальность существует как спонтанный и перманентный процесс определения и переопределения ситуаций, из которых собственно она и состоит. Основным структурирующим фактором определения ситуации является вовлеченность индивидов как степень направленности на проблематичный объект. А это «миры» значений, императивов, запретов, предпочтений, а также расположений в пространстве, в котором каждый занимает свою нишу. В каждой ситуации существуют стереотипные правила, свои формы коммуникации, своя лексика. «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, ...они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения»¹⁴.

Реальное существование индивида – всегда синтез нескольких типов, нескольких программ: «Человек в своем поведении реализует не одну какую-нибудь программу действия, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо одну стратегию из обширного набора возможностей»¹⁵. Стратегия, как адекватный язык ситуации, задает оптимальную траекторию движения индивида в пространстве социальной группы, существующей в границах той или иной конstellации. Подвижность социального

¹⁴ Сепир Э. «Новое в лингвистике», вып.1. М. 1960; перепечатка «Зарубежная лингвистика. I, М., 1999; стр.61

¹⁵ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая категория//Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 27

пространства предъявляется через движение границ как смену ситуаций, где индивид переходит с одной траектории движения на другую, осуществляя «перевод» с языка одной ситуации на язык другой. В этом смысле в семиотике говорят о полиглотизме индивида.

Смысл всякого сознания – в отклонении от бытия, в его удвоении с определенными погрешностями. Гносеологическая оценка обыденного сознания нередко направлена на обнаружение этого отклонения, которое оно считает нужным ликвидировать, что уничтожает всякий смысл анализируемого объекта.

С помощью обыденного мышления повседневной жизни индивиды обретают «знание об», или, как его назвал У. Джемс «знание-о»¹⁶, измерениях того социального пространства, в котором они живут. С помощью набора конструктов обыденного опыта или знания, согласно А. Шюцу, конструктов «первого порядка»¹⁷ члены данного социального пространства расчленили и по-своему, т.е. субъективно, интерпретировали окружающий их мир, данный им в опыте как реальность их повседневной жизни. Именно их мыслительные объекты определяют их поведение путем мотивации. Мыслительные же конструкты социолога должны быть основаны на объектах мышления, сформированных в рамках обыденного сознания индивидов, живущих повседневной жизнью в социальном мире. Таким образом, мыслительные конструкты социального ученого являются конструктами «второго порядка»¹⁸. Поскольку, социальные науки нацелены на объяснение социальной реальности, т.е. конструктов первого порядка, (которые являются субъективными), то научные конструкты должны содержать отсылку к субъективным значениям действия для самого действующего. В данном случае, следует говорить о самоопределении субъективности в структурах социальной реальности как повседневности. Повседневность, таким образом, заключает в себе презумпцию смысла социального.

¹⁶ James W. Principles of Psychology. Vol. I. P.221.

¹⁷ А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. 2004. с. 9.

¹⁸ А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. 2004. с.61

Не смотря на отличия одного индивида от другого в пределах той или иной социальной ситуации и одной социальной группы от другой, обыденное знание повседневной жизни достаточно для того, чтобы осуществилось взаимное понимание друг с другом, а, соответственно, и понимание социальной реальности. Социальный мир изначально является для каждого индивида интерсубъективным и дан в опыте как изначально осмысленный, т.е. «субъективно предполагаемый»¹⁹, в котором индивид связан множеством отношений с другими индивидами, более или менее ему знакомыми. Становится возможной коммуникация как интеракция.

Реальная коммуникация, бесспорно, включает действительные знания, мнения и желания. Существует даже общее условие, а именно условие искренности, которое требует прямой связи между содержанием мысли и содержанием высказывания. Более того, можно даже сказать, что собственно социальные условия, вовлеченные в формулировку прагматических правил, такие как авторитет, власть, ролевые отношения и отношения вежливости, являются когнитивно обусловленными, то есть они релевантны лишь постольку, поскольку участники коммуникации знают эти правила, способны испытывать их и могут связать свои интерпретации того, что происходит в коммуникации с этими «социальными» характеристиками контекста. Иными словами, говорящий должен располагать информацией не только о социальной структуре, но также о партнере в коммуникации. Слушатель, в свою очередь, должен сравнить то, что предполагает о нем говорящий, со своим собственным знанием о себе. Таким образом, говорящий только тогда может успешно осуществить намеченный речевой акт, когда он уверен, что прагматический контекст удовлетворяет условиям этого речевого акта.

Если рассмотреть повседневность как процесс, в котором происходит формирование и организация индивида и общества, то, прежде всего, можно увидеть нисходящую направленность движения, то, что уже Макс Вебер называл «оповседневничество»²⁰. Сюда относится процесс обживания,

¹⁹ Вебер М. Основные социологические понятия //Теоретическая социология: Антология. М., 2002. Ч. 1. с.72

²⁰ Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс. 1990.

который принимает формы обучения, освоения традиций и закрепления норм. В этом процессе повседневность выступает в качестве сферы, где собираются и хранятся своего рода смысловые осадки. Оповседневнивание означает, прежде всего, воплощение и усвоение того, что входит в «плоть и кровь» человека»²¹. Сюда относятся: запоминание выражений языка, разучивание гамм и аккордов, обращение с приборами, ориентация в городских кварталах или на открытой местности. Здесь знания приобретают надежность, которая никогда неосуществима полностью посредством искусственных методов. Это воплощение никоим образом не связано с чистым применением правил или даже с механической дрессировкой, на которой настаивал И. Гофман, но оно само есть вид опыта.

Постперсональное обезличивание, которое происходит вместе с оповседневниванием, означает одновременно укрепление в пограничной сфере понимания, где «свое» и «чужое» существуют друг в друге, не требуя при этом согласия, основывающегося на единстве. В конечном счете, оповседневнивание затрагивает все сферы, включая науку, искусство, религию, так как они лишь в институализации принимают форму, способную продолжительно существовать и сохранять традиции. В этом смысле прав Н. Элиас, который выступает против представления повседневности в качестве особой области социальной реальности²². Повседневность существует как способ организации социального.

Повседневность существует как место образования смысла, открытия правил. Вместе с тем индивид ограничивает свою способность восприятия и экономит тем самым энергию и время, поскольку обладает «встроенным фильтром» повседневной селекции. Этот фильтр, являющийся стереотипом, нацеливает на уже знакомое и познанное. Если же необычные раздражители прорываются через этот фильтр, то происходит выход субъекта за рамки знакомого, т.е. за рамки стереотипа. В данном случае включается обработка новых восприятий и построение образов и конструктов. Сюда относятся

²¹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М.: Прогресс, 1991.

²² Элиас Н. Общество индивидов. М.: Практика, 2001.

появление необычного в процессах существования, инновации, которые прокладывают себе путь с помощью отклонений, отходов от правил и новых дефиниций.

Когда именно новое и оригинальное более не улавливается интегративным общим порядком или регулятивным основополагающим принципом, тогда оно принимает форму отклонения. Возникает зона, в которой повседневность преобразуется за счет медленного давления или внезапного прорыва нового и где реальное и призрачное нельзя четко отделить друг от друга без вышестоящей инстанции²³. Существует мнение о «неприятных отношениях двух феноменов: творчества и нормативности»²⁴. Нормативность ассоциируется с догмой, консерватизмом, закреплением и воспроизводимостью определенного качества, тогда как изменчивость характеризуется, прежде всего, качественной новизной результата. Действительно, нормативная деятельность предполагает воспроизводство некоторого оказавшегося социально значимым качества и в этом отношении отнюдь не толерантна к каким бы то ни было инновационным проявлениям. Если социальное поле оказывается детерминированным некоторой нормативностью, то возможны такие способы существования, которые связаны с нарушением предписаний данной нормативности. Именно в этих аспектах нарушений нормативности и просматривается существование, направленное на преодоление стереотипного мышления.

Здесь присутствует гумус анонимности, который можно обозначить как предперсональный. Если находится и обнаруживается что-то «уже-бывшее», то вместе с прошлым возвращается анонимный опыт, исчезает субъект, имеющий имя. Это путь к пониманию повседневности, которая изначально исходит из требований простого выживания. Критика, которая слишком быстро представляет соответствующие нововведения как чистую функцию, как аутсайдерство, необычность и экстравагантность, должна помнить, что ее

²³ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. – М.: Прогресс, 1991.

²⁴ Шнейдер В.Б. Коммуникация, нормативность, логика. Екатеринбург. 2002 с. 190-193

собственные достижения могут существовать только за счет преодоления стереотипности.

Повседневность, характеризуясь знакомостью, привычностью и самоочевидностью, по мнению И.Т. Касавина и С.П. Щавелева, не нуждается в рефлексии²⁵, в анализе данных сознания, не вызывающих какого-либо сомнения. Уточняя данный тезис, О.Н. Бушмакина утверждает: «поскольку исследователь является частью повседневной социальности, постольку он оказывается не способным к рефлексии и существует как индивид»²⁶. Во многом этому способствует укоренившееся свойство индивида отождествлять в таких случаях достаточность доказательств для вынесения какого-либо суждения со своим личным житейским опытом. Пение под душем имеет почти ту же самую функцию. Вместе с тем этот архаический предшественник современного караоке представляет собой типичный повседневный феномен, в котором самоочевидность смыкается с самопознанием. Здесь, в замкнутом, закрытом для других пространстве ванной комнаты с ее специфической акустикой человек, прикрытый лишь струйками воды, находится в ситуации интимности и одновременно как бы выступает со своим любимым шлягером на сцене, под безжалостно обнажающими его лучами юпитеров²⁷.

Индивид как «нефиксированное животное»²⁸ не вполне адаптирован к социальной действительности и существует не только в порядке повседневности, а как бы на пороге между обыденным и необычным (т.е. «представляется как маргинал»)²⁹, которые соотносятся друг с другом как внутреннее и внешнее, как передний и задний планы, как лицевая и обратная стороны. Ограниченность жизни индивида порождает необходимость в усвоении социальных стратегий как движения по траекториям социального пространства, где субъект не может себе позволить, чтобы незнание,

²⁵ Касавин И.Т. Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.

²⁶ Бушмакина О.Н. Герменевтика в аспекте конструктивизма: проблема реальности. Материалы шестой Российской университетской академической научно-практической конференции. Ижевск, 2003.

²⁷ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М. 2004.

²⁸ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. – М.: Прогресс, 1991.

²⁹ Бушмакина О.Н. Герменевтика в аспекте конструктивизма: проблема реальности Материалы шестой Российской университетской академической научно-практической конференции. Ижевск, 2003.

неведение в каком-то вопросе мешало ему в повседневных делах. Ему приходится решать, «что такое хорошо, что такое плохо», разделяя хорошее и плохое на разряды, классы, категории.

Повседневность как форма социальной организации была открыта канадским социологом И. Гофманом, где субъективность, казалось бы, не укладывающаяся в рамки логических объяснений, может принимать устойчивые рутинные формы. Исследователь сделал повседневность предметом абстрактной теории и предложил систему категорий, описывающих логику повседневного общения. На улице, в баре, казино, лифте, зале заседаний развертываются формальные структуры общения, и нет такой ситуации, в которой бы не действовал жесткий социальный порядок³⁰. Как всякая реальность повседневность является структурированной. Для структуралиста К. Леви-Стросса социальная структура – это мысленная конструкция, создаваемая теоретиком для объяснения эмпирических наблюдений и лишь в общих чертах отражающая модели различных эмпирически наблюдаемых положений и отношений³¹. Жизненный опыт, согласно И. Гофману, восприятие реальности, индивидуальные действия, в том числе и речевые, социально структурированы. В самом этом действии воспроизводятся «порядки интеракции», образующие своеобразный континуум, или «лестницу фреймов», которая соединяет индивидуальное действие с социальной структурой и институтами «большого» общества³². Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни.

В событиях и действиях очень много повторяющихся черт, поэтому этими чертами на макроструктурном уровне будут наделены и сообщающие о них дискурсы. Дискурс, как его определяет Т. ван Дейк, – «это

³⁰ И. Гофман. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М. 2004. с.7

³¹ Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель. //Американская социологическая мысль. М. 1996. с. 8

³² И. Гофман. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М. 2004. с. 8

существенная составляющая социального взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили»³³.

Иначе говоря, при наличии информации на определенную тему субъект может предсказать, что случится дальше. С другой стороны, не все типы дискурсов можно предсказать таким образом, т.к. дискурс часто повествует о непредсказуемом или неожиданном. При наличии сообщения о неожиданном событии или действии можно на основании нашего знания о мире сформировать контекстные ожидания о вероятном ходе событий.

Идеальный тип, как и все другие понятия, окружен обрамлениями, отсылающими к той основной теме, вокруг которой вращаются все элементы мышления. Если происходит сдвиг в основной теме, т.е. проблеме, она автоматически влечет за собой модификацию в обрамлениях каждого понятия, которое вокруг нее вращается. Поскольку сдвиг в проблеме означает модификацию всего диапазона релевантностей, то со смещением точки зрения появляются новые факты, а другие факты, прежде находившиеся в центре нашего вопрошания, исчезают. Для решения проблем субъект выделяет типичные образцы разворачивания дискурсивности как типизированные образцы мышления «Другого», которые становятся траекториями мышления в поле социального, что приводит к самотипизации или стереотипизации индивидуального мышления.

Реальность повседневной жизни содержит готовые схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях «лицом-к-лицу». Общение предполагает некоторые коммуникативные взаимодействия. Совершение коммуникации всегда связано с некоторой ситуацией, в связи с чем, эти ситуации не являются статичными: они изменяются в соответствии с причинно-следственными отношениями, конвенциями и другими ограничениями на последовательность взаимодействий и событий.

Речевой акт обычно включен в этот поток взаимодействий. Во время взаимодействия субъект постоянно вычленяет черты, релевантные для

³³ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. 1989 С. 53

данной ситуации, и следит за переходом одной ситуации в другую. «Все эти типизации непрерывно влияют на мое взаимодействие с ним, пока я решаю, например, показать, как можно хорошо провести время, прежде чем продать ему мой товар. Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими стереотипными типизациями, пока они не станут проблематичными из-за вмешательства с его стороны»³⁴. Тогда, выходя за пределы данных стереотипов, человек оказывается за кругом упорядоченного бытия. Здесь требуется установления какого-то компромисса. Ситуация может кардинально меняться, так как вмешательство в подобные типизации может быть двусторонним, поэтому компромиссы должны быть упорядочены в определенной типичности.

Встречи с «Другими» в повседневной жизни в течение большей части времени типичны в двойном смысле – «Другой» воспринимается как тип и взаимодействие с ним происходит в ситуации, которая сама по себе типична. Чем дальше типизации социального взаимодействия удалены от ситуации «лицом-к-лицу», тем более они анонимны и воображаемы. Конечно, каждая типизация содержит в себе зародыш анонимности. Очевидно, что анонимность типа менее подвержена такого рода индивидуализации, когда ситуация «лицом-к-лицу» – дело прошлого или когда она поверхностна и мимолетна; или если ее никогда не было.

Анонимность возрастает по мере того, как происходит удаление от партнера к современнику; так как анонимность типизаций, посредством которых воспринимаются партнеры в ситуациях «лицом-к-лицу», постоянно обогащается множеством признаков конкретного индивида. Современники воспринимаются совершенно по-разному. Некоторые понимаются как конкретные индивиды, но лишь посредством более или менее анонимных пересекающихся типизаций. Отношения с «Другими» не сводятся к отношениям лишь с партнерами и с современниками. Индивиды через типизации вступают в отношения с предшественниками и преемниками, теми

³⁴Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995. с.43.

«Другими», которые жили раньше и которые будут жить после в общей истории общества.

Повседневность – понятие-проблема, неизбежно связанное с рядом фундаментальных парных оппозиций. Заблуждение и истина, сущее и должное, профанное и сакральное – аналоговые пары, терминологическое различие которых связано с различием предельных областей. Эти полюса познавательного процесса образуют в социальности два измерения, которые можно обозначить как повседневность и миф. Повседневность для обретения смысла нуждается в отсылке к истокам и прототипам; она требует создания мифа и мифического обоснования. Повседневность рассматривается как нечто обязательное, неминуемое для каждого из индивидов. Воспринимается по большей части как постоянное, достаточно старое, даже вечное, т.е. привычное, ожидаемое, вполне предсказуемое, сразу узнаваемое, в основном вполне понятное (на уровне здравого смысла и личного опыта) и поэтому совершаемое на уровне стереотипного сознания.

Стабильные условия, установленные пространственно-временные и причинно-следственные рамки определяют повседневное бытие и одновременно вытекают из природы последнего. Одна из важнейших функций сакральных мифических структур состоит также и в том, чтобы задавать пределы повседневного бытия. При этом сакральное измерение бытия постоянно включается при выходе из границ повседневности и в целях такого выхода. Поэтому элементы мифа, магии, религии, искусства, будучи иногда незаметно вкраплены в структуры повседневности, образуют возможности выходов за ее рамки, являются окнами в иные, трансповседневные миры.

Повседневное сознание постоянно выходит за пределы повседневного бытия, поскольку не только выражает реальность повседневности, но и адаптирует к себе сферы неординарной деятельности. И сама повседневность как сфера реальности оказывается незамкнутой в себе благодаря сознанию, вводящему в оборот в форме героических мифов новые повседневные структуры. Все цивилизации обладают стереотипными механизмами

героизации своих членов, четко разделяя хорошее поведение от плохого. Герой мифа, как считал У. Эко, частично предсказуем, что нельзя сказать о герое современной цивилизации³⁵. Этот факт говорит о том, что в обществе существует стереотип супермена или героя в массовой культуре. В данном случае о герое/противнике известно заранее все: его характерные черты и планы.

Ситуации, в которые индивиды ежедневно попадают, уникальны, событийны, информационно избыточны. Всякая ситуация есть проблема выбора и принятия решений в условиях неопределенности тех жизненных эпизодов из которых она состоит. Отдельная тема, в которой проявляет себя взаимосвязь самоочевидности и самопознания, – это тексты разного рода. Индивиды, слушая или читая дискурс, не только конструируют его смысл в виде базы текста, но и создают или извлекают из него модель, репрезентирующую то, что они думают относительно ситуации, которой посвящен дискурс. Настольные книги, читаемые вновь и вновь, всякий раз создают впечатление душевного комфорта и одновременно с этим обнаруживают в себе забавные и познавательные детали. В качестве подобного текста иной раз выступает собственное лицо или тело. Иногда человек внезапно обнаруживает, что он другой, увидев собственное отражение в зеркале, казалось бы, такое знакомое до последней черточки.

Рефлексия по поводу дискурсивности проявляется себя на уровне обыденного сознания как возможность манипуляции словами, как обман, или как фантазирование. Повседневная ложь, с помощью которой индивид избегает конфликтов с родственниками и сослуживцами, утешает себя и преображает мир, изобретая разные иллюзии и предрассудки, позволяет индивиду структурировать социум, делая его более комфортным, одновременно познавая при этом свои собственные границы: границы морали, рационального. Ложь, по мнению У. Эко, представляет собой точку или полюс двоичного представления в коммуникации, другой полярной

³⁵ Eco U. The Role of the Reader. Bloomington etc. 1976.

точкой является правда³⁶. Это точка ветвления в информационном пространстве, открывающая пути коммуникативного выбора, т.е. обеспечивающая успешность коммуникации.

Язык суть структурирование некой гипотетической реальности самой по себе, в результате чего возникает реальность повседневности. Он открывает рефлексию по поводу возможностей использования дискурса – неоконченной речи, которой «говорящий» всегда может успеть придать иной смысл, вплоть до противоположного. Автор в большей мере, чем читатель, эксплуатирует потенциал обыденного естественного языка.

Обыденный язык, естественный язык, разговорный язык – эти понятия нередко выступают в контексте лингвистического исследования как синонимы. Данное примечательное обстоятельство позволяет использовать при философском рассмотрении феномена повседневности лингвистический материал, но вместе с тем требует специального анализа, в том числе и в отношении понятия «язык» вообще. Ю.М. Лотман, представитель тартусско-московской школы семиотики, отмечает, что «естественный язык – не только одна из наиболее ранних, но и самая мощная система культуры в человеческом коллективе. Самой своей структурой он оказывает мощное воздействие на психику людей и многие стороны социальной жизни»³⁷.

Еще один известный оксфордец, Дж. Остин³⁸, осуществил классификацию языковых актов по способу их применения. Он провел различие между «локутивными» языковыми актами, своей «силой» побуждающими субъекта к действию, и «перлокутивными» актами, вызывающими определенный эмоциональный эффект. Однако это различие носит относительный характер: «смысл» и «сила» обычно не могут быть отделены друг от друга, поэтому локутивные акты обладают иллокутивным аспектом и наоборот.

³⁶ Почепцов Г.Г. Семиотика. М., Киев. 2002. с. 127

³⁷ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. 1970. с. 16

³⁸ Austin, J. How to do things with words. Oxford. 1962.

Дж. Серл³⁹ предпринял развитие остиновского проекта в направлении выхода за пределы лингвистической характеристики языковых актов в целях поиска лингвистических объяснений и обобщения фактов, полученных в результате лингвистической характеристики. Между языковым актом и анализом языкового акта, с одной стороны, и значением предложения, высказанного в языковом акте, с другой, нет различия, полагает он. Различие проводится между утвердительными, повелительными, вопросительными и прочими языковыми актами, такими, которые выражают совет, предсказание, сомнение и т.п. Таким образом, именно прагматический, а не семантический аспект языка определяет его специфику, в том числе позволяет выделить обыденный язык из всей совокупности языковых игр.

В целом, поскольку специальные знания почти полностью пронизывают массив повседневного знания, именно первые выполняют в отношении второго нормативную функцию, т.е. могут оценивать полноту и адекватность значений используемых слов. Всякий термин специализированного языка теряет при использовании в повседневном языке богатство и сложность своего точного значения, приобретая взамен многообразие неопределенности. Обыденное знание, впрочем, также нормирует используемую в повседневном контексте специальную лексику, хотя и не может, и не хочет добиться повышения ее когнитивной точности.

Вопрос о языковых правилах или нормах во многом является ключевым для понимания природы обыденного языка. В языке функционируют разные нормы, многие из них не осознаются. Различие между «употребительной нормой» и «идеальной нормой» состоит в том, что первая успешно выполняет нормативную функцию в процессе повседневного дискурса, не будучи осознаваемой; вторая же претендует на выполнение нормативной функции, будучи институционализованной и знакомой всем внутри языкового сообщества, при этом, часто не выполняя своей функции в масштабе всего сообщества.

³⁹ Searle J.S. What is a speech act? // Searle J.S. Philosophy of Language. 1971.

Язык, таким образом, представляет социальную структуру, которая, как бы действительна она ни была, остается для большинства неосознанной⁴⁰. Смысл языка не только в том, чтобы прояснять значения, а в том, чтобы общаться, описывать положение дел, выражать свои мысли.

Итак, областью бытия социальных стереотипов, сферой их смыслоположения является социальная очевидность как повседневная реальность, которая основана на относительной неизменности социальных условий существования. Исходным стереотипом социального бытия оказывается «естественная установка» о существовании социального как непосредственной данности или объективной действительности. Она позволяет задать первичные структуры социального существования как структуры объектности. Когда повседневность становится выделенным объектом исследования, тогда возникает возможность выделения субъективных оснований ее существования, т.е. возникает условие объективации субъективного в стереотипах мышления, где повседневность задается как сознание и находится в относительной власти когнитивных социальных структур (архетипов). Иначе говоря, первичная субъективность объективируется (оповседневливается) и, затем, обнаруживается как некая отдельность, или внутренняя объектность. Возникает отношение между внешним социальным пространством существования стереотипов как области бытия социальных объектов и взаимодействий, выраженных в структурах социального поведения индивидов, и внутренним пространством положения стереотипов как архетипов «коллективного бессознательного». Повседневность, тогда как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы, где «знание есть как оно есть», т.е. выявляются отношения между внешними и внутренними стереотипами.

Понимание «повседневности» как познавательного конструкта позволяет осуществить рефлекссию по ее поводу, в которой обнаруживается, что не существует субстанции повседневности как объективной данности.

⁴⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования. Ч.1 М. 1994. с. 199

Все ипостаси повседневности заданы субъективностью исследователя как социального субъекта, который обращается к поиску исходных оснований собственного мышления, понимая их как самоочевидные, нерелексируемые состояния. В случае нерелексивности исследователя, необходимость привести социальное бытие к целостности для обеспечения смысла, вынуждает его представить существование социальной связи как «третьей» области объективации социальных представлений в структурах социальной повседневной деятельности. К стереотипам «естественной установки» и архетипам прибавляется стереотип «социального опыта» или «социального действия», а конструкт «повседневность» превращается в своеобразный «социальный эфир», скрепляющий собой разные типы сознания, деятельности и общения, существуя лишь в промежутках между ними. Поскольку на роль «промежуточной» социальной реальности всегда претендовал язык, постольку возможно отождествление языка и повседневности. Это позволяет, с одной стороны, определить его как пространство смыслополагания очевидностей, т.е. область самополагания стереотипов, с другой стороны, сделать их «видимыми», предъявленными, существующими на границе между внутренним и внешним. Здесь социальная реальность может быть выявлена в структуре языковых стереотипов, дискурсивных и коммуникативных клише, стереотипных задач и способов их решения.

Социальный стереотип существует в структурах естественного языка для восполнения отсутствующей информации. С его помощью накапливаемая информация представляет собой не просто сумму полезных знаний, но определенным образом организованный опыт, который благодаря наличию структуры может быть «сжат» и передан во времени. Стереотипизация позволяет сохранять полезный объем данной информации в условиях постоянного ее обновления. Стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются, поэтому нельзя сказать, что первые в повседневности нейтральны. Стереотипы служат защитой установленного

социального порядка, фиксируя положение элементов социальной структуры как прав индивида и его положения в обществе.

Поскольку социальный стереотип существует в языковом пространстве, постольку он существует в социальном пространстве, т.к. они тождественны. Индивиды, представленные в пределах стереотипа «усвоенного прошлого опыта», предъявленного в языковых структурах, являются частью повседневной социальности или социальной группы, где самоочевидность смыкается с самопознанием. Стратегия, как адекватный языковой конструкт ситуации, задает оптимальную траекторию движения индивида в пространстве социальной группы, существующей в границах той или иной констелляции. Подвижность социального пространства предъясняется через движение границ как смену ситуаций, где индивид переходит с одной траектории движения на другую, осуществляя «перевод» с языка одной ситуации на язык другой. Во время смены ситуации индивид вынужден постоянно вычленять ее релевантные черты и следить за переходом одной ситуации в другую.

В моменты трансформации социальной структуры становятся видны так называемые «слепые зоны». Стереотип тогда вместо экономии усилий, «ослепляет» индивидов, сковывая их инициативу. Вместе с этим индивид открывает возможность понимать социальность в ее изменчивости, появляются условия для рефлексии, обнаруживая, что повседневность не тождественна сама себе. Она немислима без того, чтобы выходить за пределы. Повседневность сосуществует с внеповседневным, где словам и явлениям придается отличный от повседневного смысл. Она, как и всякая социальная структура, представляющая собой совокупность ситуаций, присутствует в силу своего отсутствия, обнаруживаясь на пределе языка и мышления.

§ 2 Субъективное основание социальной типизации

Познание субъектом оснований своего мышления уподобляется постепенному отсечению пластов глубины объекта, когда он в каждом своем слое предстает в качестве видимой поверхности. Следует отметить, что в актах познания и действия, будь то пассивный опыт, или активный, понимающий опыт, применяются принципы структурирования и различные способы наложения концептуальных сетей, или, выражаясь языком методологии, «способы формирования и приложения образцов или абстрактных структур», которые, по определению Х. Ленка, называются «схемами»⁴¹. Предметы и события воспринимаются через стереотипы определенной социальности. Задачей данного параграфа является выделение субъективного основания социальной типизации и классификации.

Стереотипные образы «одалживаются миру...искусством, ..., моральными кодексами, социальной философией и политической агитацией»⁴². Стереотип – это как бы обращенная в разные стороны единица. С одной стороны, он – создание социальности, с другой – элемент, непосредственно входящий в сущность индивида. Он должен быть сконструированным, ибо отвечает определенным прикладным задачам. Но одновременно успешность его воздействия на индивида находится на несконструированности, т.к. он интуитивно является так называемым «осадком», который оптимизирует процесс воздействия. В данном случае речь идет о стереотипах как об интерпретационных конструктах, которые могут являться понятиями повседневности, обозначающими классы предметов, которые вычленяются и структурируются субъектами.

Таким образом, у индивидов возникает необходимость типизировать и классифицировать факты и предметы для конструирования события в

⁴¹ Ленк Х. Схемные интерпретации и вненаучные формы мышления. Симпозиум. Москва-Киль. Институт философии РАН. Кильский университет (ФРГ). Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1996.

⁴² Липпман У. Общественное мнение. М. 2004. с. 99.

сознании, что экономит усилия и время. В связи с этим возникают главные вопросы когнитивизма: как и почему классифицируются фрагменты внешнего мира и внутренней мыслительной деятельности индивида, на основании чего он выносит суждения о тождестве вещей, а значит, об их принадлежности одной и той же категории, как он сводит, наконец, бесконечное разнообразие своего опыта в разных структурах деятельности, своих оценок и мнений, а также разнообразие объективированных форм субъективности и ее движения в определенные рубрики; т.е. классифицирует все это и включает в особые объединения, называемые классами, разрядами, группировками и, наконец, категориями.

Классифицировать, т.е. подразделять на классы, как полагает М. Хальбвакс, – значит распределять по группам на основании некоего сходства. Но нельзя образовать классы на основании только внешних сходств, например, биологических качеств (наследственно закрепленных или не закрепленных) – такая классификация будет походить скорее на химическую. Если представления о классах и включают в себя подобные элементы, они не имеют первостепенного значения и в любом случае не могут служить достаточным основанием для установления классовых различий. Взяв за основу простые элементы, невозможно найти основания, по которому их можно было бы сгруппировать тем или иным образом или разбить все множество элементов на разделы именно так, а не иначе. Классифицирующее мышление, таким образом, обретает для себя сущностное пространство.

С объективистской точки зрения, индивидов и группы можно легко представить в качестве совокупности идентичных единиц, сходства которых обладают свойством, каким обладают материальные и инертные вещи: их можно пересчитать, произвести перепись, измерить, разделить. «В конторах есть окошки, и посетители механически распределяются по определенным категориям. Для человека, который принимает вас за окошком, ваша личность, происхождение, социальное положение не имеют значения: вы являетесь единицей в совокупности операций, вы – покупатель или

посетитель, требующий выполнения определенной операции. Для чиновника, вы – всего лишь вещь»⁴³.

Принципы объективации социального основаны на том, что социальные группы представляются не как совокупности индивидов, каждый из которых интересен сам по себе, но единицы некоего единства, с которыми можно обращаться как с материальными вещами, например, как с роботами. В данном случае это есть техническая точка зрения.

Техника – это ряд предписаний и правил, созданных для того, чтобы их можно было применять единообразно и ко всем случаям. Технику не следует путать с функцией в широком смысле этого термина. Техника – это второстепенный аспект функции. Однако техника необходима. Ее можно определить от противного: это совокупность действий, в случае невыполнения которых функция не достигает своей цели. Если преподаватель не выполняет программу, судья не соблюдает предписаний кодекса и судебную процедуру, банкир дает займы или учитывает вексель, не опираясь на законные процентные ставки, – их действия не имеют смысла либо приводят к плачевным результатам. Таким образом, всегда есть совокупность предписаний, которые необходимо учитывать. Но это, как указывалось выше, объяснение от противного.

Способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, разрядам и категориям свидетельствует о том, что субъект в восприятии мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различии. Категоризация – это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других. Категоризация в широком смысле слова – это не только акт причисления единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков

⁴³ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М., СПб.: Алетейя, 2000. с. 101

или свойств⁴⁴. В более узком смысле категоризация – это подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определенную категорию как определенную рубрику опыта или знания, признавая ее (этой сущности) членом данной категории. Механизмы таких процессов направлены на то, чтобы за внешним разнообразием атрибутов разных объектов и событий увидеть некое сходство или даже относительное их тождество.

Субъект обладает способностью категоризировать, т.е. упорядочивать весь мир его ощущений и опыта, стремясь в явно различающихся данных «на входе» обнаружить нечто общее и «сгруппировать объекты и события вокруг нас с тем, чтобы реагировать на них, скорее в терминах их классной принадлежности, нежели в силу их уникальности»⁴⁵. Образовать же категорию – значить организовать знание, группируя осмысляемые объекты или события, как в некотором смысле «родственные или между собой соотнесенные»⁴⁶.

Рассуждая о классификациях и категориях, исследователи обычно оперируют признаками, согласно которым в одну категорию объединяются величины с характерными одинаковыми признаками (формы, размера, цвета, функции). В реальной жизни, однако, для индивида существенна, прежде всего, идея общего сходства или подобия. Именно поэтому многие эксперименты, как утверждает Р.М. Фрумкина, показывают, что «специфически человеческий способ сравнения объектов и установления сходства между ними – это сопоставление целостностей»⁴⁷. По всей видимости, именно такие целостные репрезентации объектов характеризуют и память индивида.

⁴⁴Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004.

⁴⁵ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. с. 308

⁴⁶ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. с. 309.

⁴⁷ Фрумкина Р.М. Сходство и классификация: некоторые общие вопросы. Экспериментальные исследования в психолингвистике. М. 1992

Индивид выявляет, по образному выражению Р.М. Фрумкиной, «вообще-похожесть» и лишь после того, как представление о классе сформировано, устанавливает или «придумывает» в процессе пострефлексии признак, характеризующий этот класс. Возможно потому, что базовый уровень, на котором наблюдаются самые простые явления, предметы и действия, уровень, на котором происходит овладение мира у детей, уровень, на котором фигурируют самые рядовые и самые морфологически простые обозначения и т.п. – это также и уровень, на котором индивиды предпочитают оперировать целостностями и рассматривать сами эти целостности как своеобразные эталоны, образцы, а, возможно, и лучшие представители своего класса.

Социальный мир лишь в той степени доступен пониманию, в какой он структурируется, оформляется с помощью выработанных индивидом или пред-найденных в нем интерпретационных схем. Субъект, занимаясь толкованием, зависит от интерпретации в актах мышления, познания, поведения, в ситуации структурирования, конституирования, тем более, разумеется, это относится к оценке.

Любой фрагмент деятельности индивида имеет разветвленные связи с окружающим миром, так что эта деятельность несет на себе приметы источников своего происхождения. В связи с этим можно полагать, что истоки любого высказывания или физического действия, приносимые индивидом в текущую ситуацию, следует искать в его биографической, субъективной идентичности. Нет независимого от интерпретации подхода к миру, ни в области познания, ни в сфере деятельности, ни где-либо еще. Реальность конституируется и структурируется согласно потребностям, способностям и возможностям индивида - и это относится как к органическим познавательным возможностям, так и к понятийным формам, выраженным средствами языка. Фактически это общепринятый способ определить фрейм, с помощью которого индивид воспринимает другого индивида. Фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками»⁴⁸

⁴⁸ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. 1989. с. 16.

знания. Во-первых, они являются единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является характерным или типичным.

Определение понятия «концепт», согласно лингвистическому словарю - это «явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение - в системе языка, понятие - в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике»⁴⁹. По определению Ю.С. Степанова: «концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Концепт - основная ячейка культуры в ментальном мире человека»⁵⁰. Таким образом, «в современных исследованиях культурные концепты определяются обычно как многомерные смысловые образования в коллективном сознании, «опредмеченные» в языковой форме»⁵¹.

Соотношение концепта и значения, концепта и понятия, понятия и значения, смысла и содержания, смысла и концепта и т. п. имеет сложную логико-философскую, понятийно-смысловую, онтологически-бытийную и когнитивную обусловленность, что не могло не отразиться определенным образом на формировании языковой картины мира. По мнению С. А. Аскольдова, самой существенной стороной концепта выступает функция заместительства. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того

⁴⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. с. 38

⁵⁰ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М., 1975. с.40-41.

⁵¹ Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект). Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. - Краснодар, 1998. с.18.

же рода»⁵². Некоторые концепты можно рассматривать как схематические представления или интерпретации, лишённые тех или иных конкретных деталей. Понятие же, как считает исследователь, «это, прежде, всего точка зрения на ту или иную множественность представлений и затем готовность к их мысленной обработке с этой точки зрения»⁵³; и именно в точке зрения сосредоточена общность понятия, так как она может быть распространена на неопределённое множество конкретностей данного рода. Можно сделать вывод, что формирование понятий для описания предметного мира или его понимания есть в принципе тот же самый процесс, что и их применение, повторное активирование: конституирование схем и реконструирование, равно как реактивирование определенных схем, которые уже конституировались, происходит тем же самым способом и на той же самой основе. Таким образом, здесь идет речь о феномене интерпретативности как перспективности.

В феноменологическом представлении мысль субъекта нуждается в подкреплении понятий ясными основаниями, т.е. отчетливым знаком «Другого». Собственное имя индивида, в частности, является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида – «Я», который обозначает первого. Поэтому даже собственные имена представляют собой функцию количества индивидов, из которых нужно выделить данного. Интерпретирование в этом смысле является объединительным, собирательным знаком для многообразных способов, формирующих образы, представления репродуктивных актов деятельности, и, прежде всего, символического изображения и репрезентации, которые определяются и осуществляются сознательно действующим субъектом, - но также отчасти подсознательно подвергаются селекции и структурированию. Значит, субъект всегда познает уже нечто структурированное, что им упорядочивается в соответствующие формы восприятия как фреймы. Другими словами, все познание и деятельность подвержены схемной

⁵² Аскольдов С. А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. с. 269

⁵³ Там же.

интерпретации и структурируются при ее посредстве. Мир лишь в той степени доступен пониманию, в какой он структурируется, оформляется с помощью выработанных субъектом или пред-найденных в нем интерпретационных схем.

Для распознавания смысла межличностного общения, т.е. об уместности или неуместности действия, его участники должны владеть описаниями социального контекста. Субъект может вкладывать в действие свой смысл и определять ситуацию, как ему хочется, но если действие будет ситуативно-неуместным, его социальный смысл разрушится. Равным образом, нельзя судить о соответствии действия норме за пределами ситуативной уместности. Неуместное поведение может являться симптомом психических заболеваний, но в определенных ситуациях так называемые сумасшедшие поступки нередко совершенно понятны и нормальны. Схемные интерпретации в этом смысле представляют собой репрезентирующие акты деятельности, которые посредством мышления субъекта вводятся в контекст жизни и поведения и отношения к процессам структурирования. Иногда ситуации определены вполне отчетливо, и схемы уместных действий не вызывают сомнения. Однако встречаются и ситуации с несовместимыми контекстами. Схемы подчиняются определенной иерархии, имеют архитектурный характер. Они не полностью воспроизводят ту или иную ситуацию, но подчеркивают самое существенное, тем самым оставляют вариативными определенные черты и моменты данной ситуации, т.е. схемы конструируются таким образом, что их можно варьировать, во всяком случае, как указывает Х. Ленк⁵⁴, так утверждают психологи, работающие в области когнитивной психологии.

Теперь обратимся к чувственно-эмоциональному выражению стереотипов как таковому: к жестам, мимике, слезам, всем двигательным и артикуляционным реакциям. Различные факты и, в частности, опыты Павлова с условными рефлексам, доказывают, что все эти проявления не

⁵⁴ Ленк Х. Схемные интерпретации и венаучные формы мышления. Симпозиум. Москва-Киль. Институт философии РАН. Кильский университет (ФРГ). Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1996

полностью спонтанны, что их можно вызвать извне, искусственно и таким образом подчинить влиянию внешней воли. Мыши были приучены слышать звон колокольчика перед получением пищи. С тех пор звон колокольчика, даже тогда, когда еду им не показывали, вызывает у них обильное слюноотделение. «Если мы не можем вызвать слюноотделение одним только нашим желанием, то, как мы все знаем, достаточно подумать о любимом блюде, и рот наполняется слюной. Мы всегда можем думать о том, чего нам хочется, и таким образом вызывать слюноотделение по нашему желанию»⁵⁵. И если у животных эти механизмы формируются через последовательность действий, регулируемых внешней волей, индивид сам способен вызвать их у себя – достаточно вызывать в воображении те или иные представления и образы.

Образ восприятия или представление всегда обнаруживают себя как определенные языковые конструкции. Они не являются просто отражением действительности или внешних сигналов, как они есть «сами-по-себе», а всегда являются комплексной переработкой или же следствием высокого уровня комплексной переработки. Уже Иммануил Кант определяет в «Критике чистого разума» понятие «схема» как «продуктивную способность воображения»⁵⁶, который имеет в виду не единичное созерцание, а только единство созерцания в определении чувственности. Он относит понятие схемы как способа приспособления чувственно-понятийного образа и концептуальной сетки не только к чувственному восприятию, например, видению фигур в пространстве, но и к образной «подкладке» чистых рассудочных понятий (категорий). В качестве схемы здесь можно, прежде всего, рассматривать все возможные формы структурирования или структурные образования репрезентативного характера, которые извне замещаются знаками, а изнутри – представлениями и активизацией стереотипных образов.

⁵⁵ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М., СПб.: Алетейя, 2000. с.174.

⁵⁶ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М. 1964. с. 205

Таким образом, объект, который активизирует стереотип, оценивается в связи с соответствующими эмоциями. Всякое представление может стать наглядным и вызванным в воображении лишь в определенном единстве, когда механизм связи между чувственными единичными переживаниями и всеобщими формами репрезентируется в сознании понятийно, т.е. осуществляется через язык. В определенной степени внешние стимулы, особенно произнесенные или напечатанные слова, активизируют некоторую часть системы стереотипов, так что непосредственное впечатление и ранее сложившееся мнение появляются в сознании одновременно.

Ощущение любви, ощущение и предощущение смерти ставят границу всем трансцендентальным чувствам, обеспечивают их напряженность и жизненность. Поэтому смысл высказывания индивида граничит между страхом и любовью: любовью к себе и объектам, о которых идет речь или направлено какое-то действие с целью подтверждения себя в этом мире, т.е. самоидентификации; страхом за возможную потерю веры субъекта, т.е. потерю себя в мире. Здесь речь идет «о неразрывной близости репрезентанта (Сына) и репрезентируемого (Отца). С одной стороны, они - "копии" друг друга, подобно печати и ее оттиску, слом привычных устоев и его знамение, дар и его осуществление, жертва и ее принятие, осуществляемое через страдание. С другой стороны, Сын "означает" Отца, и этот смысл проявлен в нас, адресатах евангельского повествования. Так же, как Сын вверяется Отцу, так и вы доверяетесь Богу-Сыну. Сигнификация - это доверие к Другому, самому связанному с доверием к Отцу»⁵⁷.

Для соприкосновения с сигнификацией недостаточно одного визуального восприятия, чтобы обнаружить присутствие Другого. Важно открыть то пространство, которое должно быть названо субъективным и которое через репрезентацию (визуальное восприятие) раскрывает «подлинное доверие между мной и Отцом в новом сокровенном внутреннем

⁵⁷ Крестева Ю. Знамения на пути к субъекту. Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. с. 292.

пространстве»⁵⁸. Другой как бы создает «излишек присутствия за границами моей субъективной жизни»⁵⁹.

Знаки являются символами идей, а идеи исполняют роль имеющейся у индивидов в запасе системы образов. Именно стереотипные образы управляют процессом восприятия. Они маркируют объекты либо как знакомые, либо как странные и необычные, умножая различие по этому параметру. Эти различия наполняют свежим восприятием старые образы и проецируют на мир то, что было скрыто в памяти. Но субъект, который, интерпретируя знаки, интерпретирует себя, больше не является *Cogito*; это – существующий, который через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как полагает себя и располагает собой. Заложенный в стереотипы идеал смешивает различные параметры качества, количества, размера и т.д., а также человеческую природу. Этот идеал и является воплощением какого-то факта или предмета в определенный тип. Это связано с экономией усилий. Ведь попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и способы обобщения, утомительна, практически обречена на провал.

По мнению Ю. Кристевой, различаются, с одной стороны, смысл эмоций и влечений, упорядоченный первичными процессами, сенсорные векторы которых часто являются различными языковыми уровнями (звук: мелодия, ритм; цвет; запах и т.д.), «которые я называю семиотикой, и, с другой стороны, лингвистическое значение, реализующееся в лингвистических знаках и их логико-синтаксическом упорядочивании. Отличаясь от семиотического уровня, этот лингвистический уровень делает неизбежными биологические и психические условия, дополняющие происходящее»⁶⁰. В данном случае представляются символические поля, «где разделяются и смешиваются моя солидность и хрупкость»⁶¹, которые имеют

⁵⁸ Кристева Ю. Знамения на пути к субъекту. // *Интенциональность и текстуальность*. Томск: Водолей, 1998.

⁵⁹ Рикер П. Кант и Гуссерль. *Интенциональность и текстуальность*. Философская мысль Франции XX в. Томск. 1998. с. 187.

⁶⁰ Кристева Ю. Ребенок с невысказанным смыслом. // *Интенциональность и текстуальность*. Томск: Водолей, 1998. с. 299.

⁶¹ Кристева Ю. Читая Библию. // *Интенциональность и текстуальность*. Томск: Водолей, 1998 с. 282.

языковую природу. Язык в его универсальности содержит в себе способность к типизации.

Типичным проблемам и типичным субъектам соответствуют типичные рецепты действия. Деятельность и общение в рамках социальных ролей представляются безусловными, не требующими анализа элементами наличной социальности, (поскольку могут не учитываться частные и меняющиеся обстоятельства, такие как – индивидуальные, исторические свойства участвующих субъектов.) В реальных разговорах обычно всегда идет обыгрывание ситуации: субъект напрашивается на комплименты, предлагает тему, которая может придать разговору удобное для участвующих в общении направление, управляет беседой и т.п. но это «обыгрывание» имеет свои ограничения. Но структурная нестрогость, вариативность эпизодов повседневной деятельности делает их отличными от ритуальных действий и с необходимостью превращает заготовленную схему речевого общения в нечто ненадежное и проблематичное, в то, что ближе к фикции, чем к факту.

Структуру речевого взаимодействия И. Гофман определяет в классических терминах теории коммуникации: отправитель – сообщение – адресат. Содержание сообщения претерпевает такие трансформации, что его оригинальный, аутентичный смысл уже не поддается восстановлению. Иными словами, не индивид придает смысл сообщению, а сообщение придает смысл самому себе и межличностному взаимодействию. Такое рассуждение вполне можно назвать структуралистским. Социальный контекст передачи сообщения усиливает преобразование его значения. В частности, существенное воздействие на него оказывает пространство. Для субъекта, обитателя некоторого социального ландшафта, конфигурация пространства незаметно вплетается в сознание и предстает в качестве «мира как такового». А. Шюц весьма убедителен в реконструкции образа культурного паттерна группы, каким он предстает в повседневном сознании ее члена. Последний воспринимает социальную реальность, прежде всего, как пространство своих

потенциальных и актуальных действий и лишь, во-вторых – как объект познания⁶².

В познании содержание смысла понятия «объект» определяется через его отношение к субъекту, причем объект определяется как не-субъект, т.е. объект есть «все», кроме субъекта. Это значит, что объект как объяснительный принцип философии способен объяснить «все», кроме субъекта. Объект, заданный как «все», отождествляется с бытием. Тогда происходит приведение бытия как целого к его части, или к объекту. Бытие объективируется, а субъект элиминируется из системы. В этом случае субъект либо непознаваем, либо «пуст»⁶³. Он замещается «пустым местом» или же, выбрасываясь за пределы системы, превращается в трансцендентальный принцип, который в пределах самой системы всегда оказывается необъясненным.

Субъект становится «абсолютной точкой зрения»⁶⁴, которая не принадлежит никому. Он не включается в бытие познавательной системы. Субъект как «абсолютный наблюдатель» существует как лицо абсолютно незаинтересованное в существовании объекта, и потому его позиция расценивается как позиция нейтрального наблюдателя, обладающего объективной истиной по поводу системы. Познание становится объективным дискурсом абсолютного наблюдателя, протоколирующего собственные наблюдения в системе высказываний об объекте.

Социальный мир может быть замещен совокупностью или системой описаний, данных абсолютным субъектом. Он превращается в текст, написанный абсолютным субъектом, смысл которого всегда оказывается за пределами мира как текста. Таким образом, он превращается в абсолютный текст или идеологию. В таком случае мир должен предстать как материя или субстанция. Он становится тождествен бытию, которое существует как целое. Известно, что мир – это материя, организованная особым способом, а значит, состоит из отдельных элементов. Тогда, исходя из тождества бытия и

⁶² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. 2004.

⁶³ Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления. «Метафора постмодерна». Ижевск. 1998. с.63

⁶⁴ Там же.

мира, бытие должно состоять из частей или объектов. Но каждый объект обладает ограниченными характеристиками и, в конечном счете, приводит к протяженной границе, т.е. к пустой форме. Содержание объекта как пустое становится бескачественным. Сущность объекта или его качество выражает себя только на границе.

За границей объекта находится субъект или «Я», а значит, обнаруживается и мышление, которое, неопределенно, самодостаточно, непрерывно как поток, бесконечно и целостно. Поток деятельности мышления в своей неопределенности оказывается интеллектуальной интуицией⁶⁵ или со-зерцанием. Но поскольку, созерцать нечего кроме самого себя, то мышление самосозерцается. Поскольку мышление может быть представлено только субъектом, постольку он как представляющий становится объектом собственного представления в его представленности или саморефлексии.

Движение самоопределения субъективности через точку самосознания адекватно самоконструированию «Я» в мышлении. Самоконструирование деятельности потока мышления как целого осуществляется через точку «Я» как точку границы, или точку тождества субъекта и объекта. Такое конструирование происходит в структурах языка и никак иначе, поскольку мышление обнаруживается только в языке и посредством языка. Саморефлексия языка как точка самопонимания мышления может определяться как точка субъекта в потоке субъективности или «точка зрения» исследователя в движении саморазворачивания структур знания. Субъект самоконструируется, оказываясь основной конструирующей точкой или базисным принципом конструирования процесса познания. Таким образом, функция культурного паттерна состоит в том, чтобы элиминировать исследование проблемы путем предложения готовых рецептов действия, подставить на место сомнительной и вызывающей вопросы ситуации такую, которая сама способна дать объяснение чему угодно.

⁶⁵ Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления. «Метафора постмодерна». Ижевск. 1998.

Языковая ситуация и языковой партнер с самого начала воспринимаются сквозь сеть классификаций и типизаций, вытекающих из их социальных ролей (учителя, ученика, родителя, ребенка, пешехода, пассажира, контролера, водителя и пр.). В каждой ситуации субъект выбирает определенный тип языкового поведения; например, покупателя, посещающего магазин. Этот тип поведения характеризуется, очевидно, некоторыми интенциями, разнообразие которых оказывается чрезвычайно велико, причем не все из них принимаются языковым партнером за адекватные. «Если бы человек не типизировал свое языковое поведение, он был бы не в состоянии справиться с многообразием языковых ситуаций. О типе ситуаций можно говорить только тогда, когда из типизации вытекают индивидуальные правила поведения»⁶⁶. Если рассмотреть некоторую ситуацию, то не обязательно задаваться индивиду вопросом о том, как ему поступать в данной ситуации. Вопрос, по сути, будет звучать иначе, а именно, как вообще поступают индивиды в аналогичной ситуации. Эти правила поведения в социологии имеют название «роль».

«Роль» состоит в нормативных ожиданиях и претензиях по отношению к поведению. В самом общем плане норма представляет собой любое долженствование, принятое в рамках некоторого сообщества; общепринятое правило, образец поведения либо действия, любой образец или стандарт. Всякая норма обладает дескриптивно-прескриптивным характером, т.е. с одной стороны, описывает нечто, с другой – это нечто предписывает⁶⁷. Норма имеет смысл только в рамках социальной реальности. Норма фиксирует не частоту поведенческих актов, а возможность санкций за ее нарушение. Ролевые ожидания имеют безличный характер, хотя из этого не следует, что все индивиды выполняют свою роль одинаковым образом. «Роли» дополняются другими «ролями» и предполагают обязанности и права по отношению друг к другу в качестве ролевых ожиданий. Ожидания

⁶⁶ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+. 2004. с. 341

⁶⁷ Шнейдер В.Б. Коммуникация, нормативность, логика. Екатеринбург. 2002.

нормативного характера не только нормируют поведение, но и приписывают ему социально приемлемые мотивы.

Во время исполнения всякой «роли» индивид, очевидно, будет иметь известное право отстаивать или находить убежище в каком-то своем «Я», которое отличается от «Я», проецируемого вовне соответственно требованиям роли. Роль представляет канал для выражения индивидуального содержания. Например, как бы ни было формальным социальное действие, исполнитель, вероятно, «будет в определенных пределах иметь законные основания ерзать, почесываться, шмыгать носом, кашлять, искать для себя удобного положения и устранять маленькие погрешности в одежде»⁶⁸. Итак, обыденно-языковая категоризация основана на том, что повседневное поведение осуществляется в рамках социальных «ролей».

Понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни. Каждый из индивидов слушает, что говорит другой в тот же самый момент, что делает возможным непрерывное и одновременное взаимное «схватывание»⁶⁹ их субъективностей, интересубъективную близость в ситуации лицом-к-лицу, которую не может воспроизвести никакая другая знаковая система. Система понятий, посредством которой люди мыслят в обыденной жизни, уже содержится целиком в словаре материнского языка, каждое слово выражает концепт. Язык же фиксирован; он изменяется весьма медленно, и соответственно этому не менее медленно изменяется и система понятий, выражаемых языком.

Язык предоставляет нам готовую возможность непрерывной объективации человеческого возрастающего опыта. Иначе говоря, язык раздвигает рамки смыслового поля, что позволяет нам объективировать множество переживаний на протяжении всей жизни. Язык также типизирует переживания и опыт субъекта, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для

⁶⁸ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. с.352.

⁶⁹ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004.

одного субъекта, но и для других. В той мере, в какой язык типизирует опыт, он делает его анонимным, так как опыт, подвергшийся типизации, в принципе может быть воспроизведен любым индивидом, кто попадает в рассматриваемую категорию. «Например, у меня ссора с тещей. Этот конкретный и субъективно уникальный опыт лингвистически типизируется в категорию "неприятности с тещей". Эта типизация приобретает смысл для меня, для других и, вероятно, для моей тещи. Но эта же самая типизация является анонимной. Не только я, но любой (точнее, любой из категории "зять") может иметь "неприятности с тещей". Так что мой биографический опыт теперь классифицирован согласно правилам организации значений и является объективно и субъективно реальным»⁷⁰. Итак, язык формирует лингвистически обозначенные семантические поля и смысловые зоны. Словарь, грамматика и синтаксис способствуют организации этих семантических полей.

Таким образом, язык формирует схемы классификации для различения объектов посредством "рода" (как лингвистический термин) и числа; формирует высказывания действия и высказывания существования; показывает степень социальной близости и т.д. Например, в языках, в которых различают формальное и интимное обращение посредством местоимений (таких, как *tu* и *vous* во французском, или *du* и *Sie* в немецком), последние обозначают координаты семантического поля, которое можно назвать зоной интимности. Такое семантическое поле есть, конечно, и у говорящих по-английски, хотя и более ограниченное лингвистически. В рамках созданных семантических полей можно объективировать, сохранять и накапливать биографический и исторический опыт. В результате такого накопления составляется социальный запас знания, заложенный в стереотипы и передающийся от поколения к поколению, доступный индивиду в повседневной жизни.

⁷⁰ П.Бергер, Т.Лукман. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995. с.38

В памяти индивидов хранятся не дифференциальные признаки предметов и явлений, а некие целостные образы, прототипы, гештальты, с которыми сопоставляются предметы⁷¹. Это относится не только к обозначению предметов, но и к обозначению событий, процессов, качеств и моделируется в теории фреймов. Искажение предметных прототипов есть абсурд (рыба с ногами), искажение более сложных прототипов представляет собой ломку социальных ценностей (смех во время похорон)⁷². Целостные образы в сознании поддаются научному и обыденному (или наивному) анализу, в результате чего выделяются различные сопоставимые характеристики этих образов или семантические признаки.

Между реальным миром говорящего «Я» и миром лишь мыслимым, «интенциональным», нет непреходимой границы. То, что «Я» обыденного языка имеет значение, содержащее в себе определенного рода отношение к другим индивидам, предполагается в том самом факте, что это слово и те идеи, которые оно представляет, суть феномены языка и коммуникационной жизни. Там, где нет коммуникации, не может быть никакой его номенклатуры и никакого развитого мышления. «То, что мы называем «я»... или «я сам», является в таком случае какой-то обособленной от общей жизни, но наиболее интересной ее частью, интерес к которой вырастает из самого того факта, что она является одновременно и общей и индивидуальной. Иначе говоря, нас она занимает как раз потому, что именно эта сторона сознания живет и борется в общественной жизни, пытаясь запечатлеть себя в сознании других людей».⁷³ Отношение к другим субъектам предполагается в чувстве самости. Мышление женщины, как считает Ч. Кули, нуждается в фиксации на каком-либо человеке, в сознании которого она может найти устойчивый и неотразимый образ самой себя, которым она может жить.

⁷¹ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004.

⁷² Карасик В.И. Язык социального статуса. М. 2002.

⁷³ Кули Ч. Социальная самость.// Американская социологическая мысль. Международный Университет Бизнеса и Управления. 1996. с. 317.

Субъект в своей сознательной деятельности имеет в качестве исходного материала для своего мышления значения, связанные со словами используемого им языка, и те смыслы, которые эти слова приобретают в разных контекстах речи. Какими бы многообразными ни были формы человеческой деятельности, они регулируются фреймами, которые снабжают основных участников взаимодействия нормативной информацией о том, что должно находиться в фокусе их внимания. «В том же месте действия и в то же время неизбежно возникают совершенно иные режимы и линии развертывания деятельности (включая коммуникацию в ее узком смысле)⁷⁴. Как правило, фреймы не осознаются субъектом, и попытка их экспликации и уяснения приводит к дезорганизации восприятия. Английское слово «frame» обозначает широкий круг понятий, связанных со структурированием реальности, в широком смысле это «форма».

Фрейм представляет собой процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект⁷⁵. Лексические эквиваленты фрейма – рамка, схема, план, шаблон, сценарий, гештальт, прототип, парадигма, дисциплинарная матрица. По М. Минскому, фрейм – это структура знаний для представления стереотипной ситуации.⁷⁶ И. Гофман заимствовал понятие фрейма у Грегори Бейтсона, англо-американского биолога, антрополога, философа, который в своих исследованиях высших приматов, выдр и дельфинов ориентировался на теорию коммуникации, теорию множеств и кибернетику. По И. Гофману, отделение неживой природы от «жизни» и «культуры» имеет смысл только в рамках специфической мыслительной перспективы. Здесь используется не родовидовое, объективное определение, а типичное для прагматистской методологии указание на специфический вид действия с объектом. И. Гофман отмечает, что граница физического мира конституируется фреймом

⁷⁴ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. с. 269.

⁷⁵ Баранов А.В. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 15.

⁷⁶ Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

вмешательства субъекта в ход событий, и, вероятно, предположение о социальном конструировании тела устраняет само «физическое» из картины мира.

Фреймы заключают в себе ожидания нормативного характера относительно того, насколько глубоко и полно индивид должен быть вовлечен в деятельность, организуемую этими фреймами. Разумеется, они значительно отличаются по степени вовлеченности, которую предписывают участникам деятельности. «Одни, подобно системам правил дорожного движения, требуют глубокой вовлеченности (involvement) участника, но поддерживаются в центре внимания лишь время от времени, только когда есть необходимость избежать неожиданной неприятности. Другие фреймы, подобные тому, в котором познается половое общение, предписывают в буквальном и фигуральном смыслах всеобъемлющее участие. Но во всех случаях участникам устанавливаются пределы, согласованно определяющие, что считать недостаточной вовлеченностью в дело и что – избыточной»⁷⁷.

Всякий фрейм представляет собой некоторую концептуальную систему как основание интерпретации некоторого фрагмента мира. Фреймовая организация знания в отличие от других концептуальных систем представляет собой терминальную структуру, в которой когнитивные единицы ассоциированы вокруг некоторого концепта. Таким образом, любой фрейм в качестве своих элементов имеет некоторое количество терминалов, к которым присоединяются другие фреймы. Они содержат основную, типичную информацию, обладают более или менее конвенциональной природой и потому могут содержать социально типичную информацию. Фреймы представляют собой описания стереотипной ситуации и задаются дискурсивными рамками.

Связь фрейма с внешним миром сложна. В окружающем мире, прежде всего, находит выражение привычный способ переработки, преобразования формы восприятия или деятельности, а не само таким образом

⁷⁷ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. с.435.

преобразованное. Любое обсуждение процесса деятельности и того, как вписывается она в окружающий мир, то есть любое обсуждение очертаний этого фрейма ведет к очевидному парадоксу. Пункты, в которых внутренняя деятельность затухает и эстафету перехватывает внешняя деятельность – то есть очертания фрейма как такового, – обобщаются субъектом и включаются в его первичную схему интерпретации опыта, тем самым рекурсивно становясь дополнительной частью этого фрейма. В общем, получается, что те предположения, которые обособляют деятельность от внешнего окружения, намечают также и пути, неизбежно связывающие ее с окружающим миром.

Характер конкретного фрейма деятельности, несомненно, связан с характером той ролевой формулы субъекта, по которой он организован. В самой природе связи между индивидом и ролью никогда не следует ожидать ни полной свободы, ни полной закрепощенности. Но независимо от того, в какой точке такого континуума окажется чья-то формула, она, взятая сама по себе, будет выражать смысл, придаваемый деятельности, организованной в определенном фрейме, когда она включается в окружающий мир.

Все, что происходит внутри интерпретированного и организованного потока деятельности, обеспечивается ресурсами, которые поступают из внешнего мира и в некой прослеживаемой преемственности должны в него возвращаться. Каждый артефакт, а также субъект, вовлеченный в организованную деятельность, или деятельностный фрейм, имеет длящуюся биографию, то есть какую-то прослеживаемую жизнь до и после определенного события, и потому всякая биография представляет собой преемственную цепь неповторимых событий. Одно из интересных проявлений преемственности ресурсов взаимодействия – стереотипный конструкт, называемый «стилем», а именно устойчивая узнаваемость выразительных средств в поведении человека. Существует лингвистический стиль конкретного языкового сообщества, который означает, в частности, что при переводе с одного языка на другой далеко не все лексические и грамматические ограничения преодолеваются легко и приятно.

Весь язык соотносится с субъектом, его использующим, то есть с «Я»; все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения – все рассматривается как функции разного рода. Одновременно «Я» говорящего расслаивается на «Я» как подлежащее предложения, «Я» как субъект речи и «Я» как внутреннее «Эго», контролирующее самого субъекта.⁷⁸ И параллельно этому расслаивается сама прагматика. Она концентрирует свое внимание на том отношении языка к говорящему, которое заключается в присвоении себе языка в момент – и на момент – речи.

Но ощущение «Я» как внутреннего «Эго» индивида может возникать локально и существовать недолго. Ощутимое расхождение, по мнению И. Гофмана, «между человеком и ролью, эта щель сквозь которую проглядывает человеческое Я, этот чисто человеческий локальный эффект, не должны зависеть от мира за пределами текущей ситуации больше, чем зависит сама роль. Важно другое, а именно – смысл, который индивид предлагает другим участникам взаимодействия своими действиями в отношении их, показывая тем самым, что он за человек помимо роли, в которой выступает. В терминологии У. Гибсона, эти другие участники взаимодействия интересуются лирическим героем, «поэтом», а не реальным «сочинителем сонета».⁷⁹ И то, что они соберут из эпизодов своих впечатлений, очевидно, покажет, на что похож этот соучастник коллективного взаимодействия за пределами текущей ситуации. Но каждая ситуация, в которой он действует, будет создавать у других участников некий подобный его образ. И как справедливо заметил М. Фуко, «Никогда не трактуйте болезни, не будучи уверенными в их типе»⁸⁰. Итак, разные участники различных ситуаций, классифицируя или типизируя различные проявления поведения данного соучастника, создадут образ последнего. Данный же образ, в свою очередь, подпадет под определенный тип характера, внешности, темперамента и т.д.

⁷⁸ Степанов Ю. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985.

⁷⁹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 383.

⁸⁰ Фуко М. Рождение Клиники. Москва, Издательство «Смысл» 1998, с. 24

Итак, стереотипизация – это процесс языкового конструирования событий, заключенных в определенные схемы или типы в сознании с целью экономии энергии и времени в акте познавательной деятельности субъекта. Все предметы, объекты, явления находятся в зависимости от субъективно обусловленного познания и его закономерностей, однако они могут быть объективно представлены и интерсубъективно описаны посредством языковых стереотипов, существующих в обществе.

Стереотип – это как бы обращенная в разные стороны единица. С одной стороны, он – продукт социальной реальности. С другой – элемент, существующий через существование индивида. Именно стереотипы маркируют объекты либо как знакомые, либо как необычные, тем самым, проводя границу между сходством и различием. Различия освежают старые образы и воспроизводят в мышлении «перво-забытые» языковые смыслы. Заложенный в стереотипы идеал смешивает различные параметры качества, количества, размера и т.д., объективирующие мышление. Этот идеал и является воплощением какого-то факта или предмета в определенный «тип» или категорию, которые имеют языковую природу. Таким образом, категоризация «объективно» существует в «коллективном сознании» говорящих на одном языке.

Только субъект типизирует или классифицирует, сравнивает, отождествляет все, что входит в поле или сферу его зрения, тем самым осуществляет познавательные процедуры. Субъект всегда познает уже нечто структурированное, что им упорядочивается в соответствующие формы восприятия как «фреймы» или «схемы». Схемы репрезентируют целостное знание, т.е. устанавливается связь с чувственным восприятием, с одной стороны и понятийным с другой. Это нечто лишь в той степени доступно пониманию, в какой оно структурируется. «Фреймы» или «схемы» есть языковые понятия, это говорит о том, что все познавательные процессы непосредственно связаны с языком. Все основные понятия, используемые для описания языка, рассматриваются как функции разного рода. В той мере, в какой язык типизирует опыт, он делает его анонимным,

т.е. универсальным, так как опыт, подвергшийся типизации, в принципе может быть воспроизведен любым индивидом. Функция культурного паттерна состоит в том, чтобы исследовать проблемы путем предложения готовых рецептов действия.

Всякий фрейм представляет собой некоторую концептуальную систему как основание интерпретации некоторого фрагмента мира, а именно, осмысление всех ощущений, всей информации, приходящей к субъекту в результате работы органов чувств и оценки этой деятельности, в терминах концептов. Фрейм – это структура знаний для представления стереотипной ситуации. Он не полностью воспроизводит ту или иную ситуацию, но подчеркивает самое существенное. Фрейм или схема задаются дискурсивными рамками. Тем самым сохраняется сущность социальной целостности как коммуникативной реальности.

Не смотря на то, что понятие «фрейм» было создано в феноменологии для обозначения взаимодействия животных, оно используется в сфере деятельности индивидов. При анализе дискурсивной деятельности, заключенной в определенный фрейм, возникает саморефлексия языка, где субъект обнаруживает смысл. Обнаруживаются субъективные основания социальной типизации. Субъект способен обнаруживать границы стереотипа, т.е. интерпретировать смысл, задавая подвижность смысла. Если бы этого не происходило, субъект как неререфлексирующее животное, реагировал бы только сообразно рефлексам или генетически заложенным стереотипам как робот со встроенной программой.

На основе мыслительной деятельности субъект самоконструируется, оказываясь основной конструирующей точкой или базисным принципом конструирования процесса познания и соответственно процесса типизации. Тем самым он, интерпретируя знаки, интерпретирует себя, т.е. через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как полагает себя и располагает собой. Интерпретировать нечто, значит понять нечто со смыслом. Интерпретационные конструкты могут быть понятиями повседневности, обозначающими классы предметов, которые

выражаются средствами языка. Интерпретация в этом смысле всегда представляет собой процесс, репрезентирующий мыслительные реконструкции, и как таковой он выносит предмет на более высокий уровень теоретико-познавательного анализа. Схемное интерпретирование необходимо в любом акте понимания, мышления, где осуществляется переход от ситуации «лицом-к-лицу» к воображаемым структурам.

Схемно-интерпретирующие формы деятельности служат основой социальности, это – метафора, но она уместна, поскольку репрезентирующие акты схемно-интерпретативной деятельности, которые нечто обозначают и характеризуют символическим образом, являются или становятся знаками, симптомами или символами, допускают значительную вариативность и гибкость способов изложения и представления. Языковые знаки, имея универсальный характер, создают возможность для возникновения социальных типизаций, заключающих смыслы в подвижные границы стереотипов.

§3 Когнитивные аспекты существования стереотипа

Когнитивная теория употребления языка должна не только открывать доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, репродуцирование и другие виды когнитивной обработки социальных стереотипов, но и объяснять, как происходит их планирование, производство и понимание. Задачей данного параграфа является рассмотрение социального стереотипа в когнитивных, а если быть более точными: когнитивно-дискурсивных аспектах, поскольку язык изучается главным образом в процессах порождения и восприятия речи, в рамках дискурсивной или коммуникативной деятельности. Язык выполняет две главные функции – когнитивно-репрезентативную и коммуникативную (дискурсивную).

Поскольку язык служит основным способом формирования и существования знаний о социальном мире, то именно язык является важнейшим объектом исследования когнитивистов. Роль языка состоит не только в передаче сообщения, но и во внутренней организации того, что подлежит со-общению. Язык, согласно теории Р. Джекендоффа, является одним из когнитивных механизмов, участвующих в процессах переработки информации о мире, но не «как он есть», а о мире, уже «спроецированном» в наше сознание, т.е. об ощущениях, прошедших определенную концептуальную обработку⁸¹.

Индивид, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется им непрерывно. Это объясняется свойством концепта изменяться в сознании. Концепты, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Изменяется со временем и число концептов, и объем их содержания.⁸²

Последовательность построения концептуальной системы в сознании отвечает принципам логики, и этим обусловлено такое свойство системы, как ее логичность. Она определяет возможность логического перехода от одного концепта к другому, определение одних концептов через другие, построение новых концептов на базе имеющихся.

Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и др. Сам дискурс может рассматриваться одновременно как совокупность апелляций к концептам и как концепт, существующий в сознании носителей языка. Логичность системы дает возможность построения внутри нее новых концептов, не усваиваемых из актуального опыта, а перешедших в сознание посредством языка. Этим объясняется

⁸¹ Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics. Talking Minds^ The study of language in Cognitive Science. Cambridge. 1994.

⁸² Павиленис Р.И. Проблема смысла. М. 1983. с. 102-103.

возможность введения в концептуальную систему абстрактных понятий. Такую информацию невозможно ввести в систему без языка.

Явления и предметы «внешнего мира» представлены в сознании индивида в форме внутреннего образа. По мнению А.Н. Леонтьева, окружающая действительность «это – «смысловое поле», система значений»⁸³. Образ мира, по А.Н. Леонтьеву, – «не перцептивная картинка», а некоторое относительно стабильное образование, являющееся результатом обработки данных восприятия. Вся новая информация встраивается в некоторую имеющуюся у субъекта структуру. Идеи А.Н. Леонтьева развивали С.Д. Смирнов и В.В. Петухов. Образ социального мира, как они установили, – это иерархическая система когнитивных репрезентаций, на субъективной основе. Это говорит о том, что вся система заложена в иерархическую систему эпистемических фреймов, что позволяет быстро анализировать все уровни и компоненты, участвующие в понимании социального взаимодействия.

В процессе существования конкретного современного индивида «языковая картина мира» предшествует концептуальной и формирует ее, потому что субъект способен понимать мир и самого себя благодаря языку. Именно в языке закрепляется общественно-исторический опыт. С одной стороны, условия существования индивидов, окружающий их материальный мир определяют их сознание, что находит отражение в языке, прежде всего, в семантике и грамматических формах. С другой – индивид воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, который детерминирует структуры мышления индивида.

Термин «языковая картина мира» – не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной общности, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную значимостью

⁸³ Леонтьев А.Н. Психология образа. Вестник МГУ. Сер. 14. № 2. М. 1979.

предметов, явлений, процессов данного общества и избирательным отношением к ним. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира.

Когнитивная теория в качестве одной из своих задач должна, используя понятие когнитивных фреймов, дать объяснение способности субъекта совершать и понимать речевые акты, а также «влиять» на это понимание. Стереотипизация – один из важнейших приемов речевого воздействия. С точки зрения когнитивных процессов стереотипы формируются на основе ассоциативных связей по модели «А имеет отношение к В», где В – один из прототипических концептов или концепт, опосредованно связан с прототипом.

Регулируя коммуникацию, язык является идеальным средством разрешения противоречий между всеобщим и единичным; он, можно сказать, трансформирует ментальные процессы в структуры языковой intersубъективности, а потребности – в нормативные ожидания. Участвующие в формулировке прагматических условий (говорящий хочет, знает, думает, и др., что...) понятия рассматриваются в прагматике как примитивы, не разложимые и не анализируемые ни концептуально, ни эмпирически. Прагматическое понимание представляет собой последовательность процессов, содержанием которых является приписывание высказываниям участниками коммуникации особых конвенциональных сущностей – иллокутивных сил. Проблема состоит в том, какая информация необходима слушающему для идентификации речевых актов.

Очевидно, что информация может поступать из разных источников и разными способами, например, из свойств грамматической структуры высказывания. Паралингвистические характеристики (темп речи, ударение, интонация, высота тона и т.д., жесты, мимика, телодвижения и др.) также являются источниками информации. Знания, мнения, полученные из предыдущих речевых актов, то есть из предшествующего дискурса; знания о говорящем и его свойствах, а также информация о других особенностях

данной коммуникативной ситуации и другие источники. Все эти компоненты необходимы для прагматического понимания, и этим объясняется тот факт, что коммуникативная направленность речевого акта может быть определена не только на основе понимания общего смысла высказывания.

Несмотря на то, что прагматические условия имеют когнитивную основу, необходимо помнить, что конечной целью прагматической теории языка является установление связи между высказываниями (с грамматикой), с одной стороны и различными видами взаимодействия (с социальными науками) – с другой. Это может означать, например, что все, что говорящий «на самом деле» знает, думает или хочет в процессе выполнения речевого акта, не является столь уж важным, если его поведение может быть проинтерпретировано или социально осмыслено как поведение, выражающее эти различные внутренние состояния.

Когнитивный анализ процесса обработки текстов основан на взаимодействии между репрезентациями и операциями в сознании. Операции имеют «стратегическую природу»⁸⁴. Стратегии характеризуются гибкостью, целенаправленностью и зависимостью от контекста. Они анализируют различные типы поступающей информации и управляют когнитивными репрезентациями не всегда надежно, но достаточно эффективно. Стратегии допускают параллельную обработку, т.е. одновременный анализ частичной и неполной информации, поступающей одновременно из разных источников. Так, в основных процессах интерпретации, которые определяют восприятие текста, гибко используются поверхностные структуры текста, контекстуальная информация, идущая от реального процесса взаимодействия участников коммуникации, характеристика социальной ситуации и различные типы репрезентации знаний.

Знания могут быть представлены в виде сценариев. Такие сценарии можно определить как абстрактные, схематические, иерархически организованные наборы пропозиции, конечные позиции которых являются незаполненными: их заполнение производится по умолчанию. Поэтому эти сценарии могут

⁸⁴ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. 1989. с. 139.

быть приложены к различным ситуациям путем заполнения этих терминальных позиций конкретной информацией. Стереотипные, присущие какому-либо социуму, ситуации могут быть представлены в сознании в форме сценариев таким образом, что индивиды могут взаимодействовать друг с другом на основе этого общего знания. Подобные сценарии относительно постоянны, они часто используются членами социума, поэтому сценарии находятся в «социальном сознании». Кроме сценариев отдельных эпизодов существуют фреймовые репрезентации об известных объектах и субъектах, так же как и знание о единицах, категориях и правилах языка, дискурса и коммуникации.

Такие разнообразные типы социальных знаний и убеждений, фреймы, сценарии и установки, образуют репрезентации общего характера, которые используются для интерпретации поступающей конкретной информации: ситуаций, событий, действий или дискурса. Эти стратегические процессы анализа и интерпретации осуществляются в сознании субъекта, результаты таких операций рефлексировываются, накапливаются и интерпретируются. Таким образом, сознание субъекта действует как накопитель всей входящей и получившей интерпретацию информации и включает весь индивидуальный опыт, относящийся как к наблюдаемым событиям, или участникам последних, так и к воспринятым текстам.

Выражения естественного языка вообще и дискурс, в частности, могут употребляться для того, чтобы указывать на что-либо, обозначать что-то в социальном контексте. Дискурс дает представление о предметах или индивидах, об их свойствах и отношениях, о событиях или об их сложном сплетении, т.е. о некотором фрагменте мира, который именуется ситуацией. Трактовка понятия дискурса значительно менялась на протяжении последних двадцати лет. Если в 60-70 годы дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания

текста. Очевидно, что такое определение дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает и наличие интегрированных моделей обработки дискурса.

Выделяются Т. ван Дейком, как и многими другими исследователями, два основных аспекта в когнитивном анализе процесса обработки дискурса – структуры представления знаний и способы его концептуальной организации. В отличие от «ментальных моделей» Джонсона-Лэрда, «фреймов» М. Минского, «сценариев» Шенка и Абельсона, Т. ван Дейк выделяет в качестве основного типа репрезентации знаний «модель ситуации».

Индивиды действуют не столько в «реальном мире» и говорят не столько о нем, сколько о субъективных моделях явлений и ситуаций действительности. Отсюда следует, что индивидуальные и групповые различия в обработке социальной информации могут быть объяснены на основе различий ситуационных моделей. Таким образом, модель представляет собой когнитивный коррелят такой ситуации: это то, что происходит в сознании субъекта, когда он является наблюдателем или участником ситуации.

По мнению Т. ван Дейка, в основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях – как в ментальных моделях, сценариях и фреймах, – а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения. Ситуационная модель строится вокруг схемы модели, состоящей из ограниченного числа категорий, которые используются для интерпретации ситуаций. Эти схемы наполняются конкретной информацией в различных коммуникативных актах.

«Таким путем каждое событие или ситуация получают репрезентацию в терминах субъективной модели»⁸⁵. Эта модель ситуации организована также в виде схемы и рефлексивует такие постоянные категории, как обстановка (время, место), обстоятельства, участники, событие/действие и

⁸⁵ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. 1989. с. 141.

соответствующие им характеристики, включая оценочные свойства. Модели выступают и в качестве референциальной основы когнитивной интерпретации, они также играют важную роль в выявлении условий связности (когерентности) текста.

Используя наборы моделей для обобщения и абстрагирования, в конечном счете, можно реконструировать некоторые типы фреймов, сценариев или установок, которые образуют общие социальные знания и убеждения. Знания и убеждения, находящиеся в сознании, должны быть эффективно организованы в особые сценарии, содержащие всю общедоступную в данном обществе информацию о конкретном стереотипном варианте какого-либо эпизода. «У людей могут быть одинаковые сценарии для таких форм поведения, как совершение покупок в супермаркетах и др.»⁸⁶. Но при этом необходимо иметь и обобщенные модели, которые должны отражать стереотипный опыт, относящийся к повторяющимся событиям или ситуациям. Модели являются центральными репрезентациями в процессах понимания. То же характерно и для процессов производства текста, понимания и коммуникации: основной целью этих процессов является установление понимания, т.е. построение или модернизация модели или передача модели получателю. Другими словами, текст понятен настолько, насколько понятна ситуация, о которой идет речь, т.е. если имеется модель этого текста.

Вообще говоря, можно было бы согласиться с мнением о том, что все классификации человека являются лингвистическими. Не будь имен, как считают номиналисты, трудно было бы узнать, к какому классу или категории нужно отнести определенное явление или процесс. Понятие категоризации тесно связано с такими умозаключениями, о которых индивид узнает благодаря языку.

Номиналистам противостоят реалисты, которые считают, что сходство или общность вещей существует «в природе», независимо от языка, и что слова отражают эту общность, называя одним словом то, что связано

⁸⁶ Липпман У. Общественное мнение. М. 2004.

онтологически. Наконец, концептуалисты полагают, что применение одного имени для серии объектов опосредовано общим для них концептуальным основанием, т.е. возможностью представить каждый объект одного ряда единой ментальной репрезентацией, одним и тем же концептом. Но, как указывает Дж. Тейлор, концептуализму тоже свойственна либо номиналистическая, либо реалистическая ориентация. Можно утверждать, что единый для серии объектов концепт появляется в результате применения к ним одного названия; либо, напротив, что подобный концепт возникает в результате формирования сходных ментальных репрезентаций, т.е. не в актах наречения, а в актах восприятия мира и отражения действительного положения дел. Соответственно указанным философским позициям, можно было бы сказать, что для номиналистов называние словами одной части речи разных сущностей приводит к тому, что однотипность имен ведет к выводу об идентичности стоящих за ними когнитивных структур.

Для реалистов существование частей речи как разных слов есть верное отражение того факта, что онтологически в мире представлены разные объекты и разные явления и что такое верное виденье мира и объективируется в языке. Наконец, для концептуалистов, за разными частями речи стоят разные когнитивные (концептуальные) структуры. Это соответствует онтологии мира, но с оговоркой, что мир «как он есть» отражен в сознании индивида в том виде, в каком его восприятие ограничено, во-первых, социально и, во-вторых, прагматически. Это предполагает оценку воспринятого по его значимости для совершаемой субъектом познавательной деятельности.

Соединение простейших понятий в языке побуждает к действию все пространство категорий мышления, – где положительное влечет за собой отрицательное, часть – целое, единичное – множество, следствие – причину, случайное – необходимое, относительное – абсолютное; где одно измерение пространства и времени требует другого, и как только достигается ясность и определенность выражения простейшего соединения мыслей, а также соответствующее обилие слов, целостность языка определена. Каждое

высказанное участвует в формировании еще не высказанного или его подготавливает.

Тем самым, происходит диалог собеседников или диалог интерпретатора с текстом. Таким образом, происходит переход от представлений к понятиям через и посредством языка. Процесс оперирования понятиями может одновременно рассматриваться и как процесс актуализации наличной, исторически обусловленной системы стереотипов как представлений-предрассудков; и как процесс создания на основе этой системы некоторого ее особого варианта – общего языка, который для этой общей системы выполняет функцию, сходную с функцией текста, одновременно и сформированного языком как системой, и формирующего его. Выражая свои мысли, субъект отчетливее уясняет их сам: он понимает себя, только испытав на других понятность своих слов.

В сознании индивида многие фрагменты действительности представлены образами, и многое может попасть в поле его зрения и быть увиденным и понятым без наличия для него специального обозначения. «Память причудливо связана с языком, однако в ней, несомненно, есть место и несловесным образам»⁸⁷. Но, по мнению Е.С. Кубряковой, то что «схвачено знаком» и получило свое имя в языке, обладает для субъекта исключительной значимостью, а потому играет в осуществлении мыслительных процессов едва ли не основополагающую роль.

Именно объективация сознания с помощью языка оказывается условием существования субъекта и главной отличительной чертой *homo sapiens*, отсюда и то внимание ментальному лексикону и номинативному акту как акту создания нового обозначения или же акту семиозиса как акту формирования в языке знаков разного типа и разного объема. Акты семиозиса и номинативные акты предполагают пред-существование им определенной когнитивной инфраструктуры сознания с языковой способностью как ее главной составляющей. Средоточием ее является

⁸⁷ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. с.305.

внутренний или ментальный лексикон, в котором центральная роль отводится слову как единице хранения знания не только об обозначенной им вещи, явлении или процессе, но и знания о том, как можно и как следует рассматривать эту единицу в системе языка, где она связана с другими единицами той же системы, и где она представляет собой концепт и особую категорию.

Категоризация мира – это результат когнитивной деятельности человека, итог классификации (таксономии) окружающего его социального мира и вычленения отдельных единиц (таксонов) в произведенной классификации, когда конечным итогом указанной деятельности оказывается формирование особой категории, позволяющей увидеть социальность в главных атрибутах ее бытия и функционирования. Процессы категоризации связаны по существу со всеми когнитивными способностями сознания субъекта, со всеми существующими здесь системами восприятия мира по пяти разным каналам и, конечно, с обработкой всех этих данных с помощью языка. Формой объективации категории в языке является ее имя, и вне словесного означивания категории как таковой не существует.

«Сущность номинации, – писал Г.В. Колшанский, – заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека»⁸⁸, абстракцию как отображение реальных предметов и явлений в сознании. Вещь или явление – это только исходное звено в исследовании искомой формы конкретного знания о предмете, за которым закрепляется то или иное обозначение. Номинация должна рассматриваться как «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов». Как указывает А.Ф. Лосев, «всякий знак есть отражение предмета», при этом «смысловое отражение»: получив смысл «от тех предметов, которые они обозначают», знаки отбрасывают затем некую тень и на предмет. При этом «предметы эти, бывшие до тех пор предметами неизвестными, малоопределенными и для человеческого

⁸⁸ Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М.: Высшая школа, 1965.

сознания туманными, только здесь впервые получают для себя свой смысл»⁸⁹.

Свойство номинации заключается в том, что, являясь первоначально актом индивидуальной познавательной деятельности индивида и объективируя, в сущности, субъективную структуру сознания одного индивида, этот акт по своему материальному результату – сформированному языковому обозначению – становится достоянием говорящих на том же языке, позволяющим соотнести тело знака со сложившейся структурой сознания, определенным значением. Благодаря словам такие сложившиеся структуры сознания, объединения концептов, приобретшие характер гештальта, целостного объединения, проникают в ментальные лексиконы многих индивидов и позволяют им оперировать новыми структурами сознания. Фиксация связи предмета и его имени, явления и его обозначения, структуры сознания и ее объективного языкового аналога – это содержательный результат акта номинации.

Акт номинации оказывается зависимым и от коммуникативных факторов, т.е. от того, в какой роли мыслится его результат как единица дискурса. В акте номинации всегда прослеживается его прагматическая направленность – желание что-то объяснить своему собеседнику, связать свои интенции со знанием адресата и его характеристиками. Нахождение средств подобного воздействия на адресата требует когнитивных усилий, а сами побуждения говорящего – следствие его участия в дискурсе и адресатной направленности акта взаимодействия.

Для членов общества повседневные занятия, к которым участники относятся как к «естественным событиям жизни», – это многочисленные факты их повседневного существования. Эти «картины» обеспечивают возможность «фиксации», узнавания; они являются и отправными точками, и точками возврата для любого преобразования мира повседневной жизни, осуществляемого в игре, мечтах, экстазе, театральном перевоплощении, научном теоретизировании или торжественных ритуалах. Взгляды и

⁸⁹ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. 1976. с. 105-106.

установки индивида имеют свойство объединяться в систему, характеризующуюся согласованностью входящих в нее элементов. Существует внутренняя согласованность или «консонанс»⁹⁰ между когнитивными элементами. Но, иногда возникают такие моменты, когда появляется некая рассогласованность между приведенными установками. Что же происходит? Происходит нарушение существования социального стереотипа.

Члены определенного общества часто имеют когнитивные элементы, которые заметно отклоняются от действительности, по крайней мере, от того, какой ее видят другие. В данном случае возникает некий «диссонанс»⁹¹ между когнитивным элементом субъекта и данной группой, поскольку она определяет адекватность взаимодействий. Диссонанс возникает, в ситуации, когда индивид становится очевидцем непредсказуемых событий или когда ему становится известна какая-либо новая информация. Даже в отсутствие новых, непредвиденных событий или информации диссонанс, несомненно, является феноменом каждодневным. Диссонанс возникает между известными субъекту стереотипными знаниями по поводу данной ситуации и теми мнениями, которые свидетельствуют в пользу иного варианта развития событий.

Возникновение диссонанса, порождающего дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса. В случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию. Изменение индивидом взгляда на этот элемент реакции на ситуацию повлечет за собой изменение когнитивного элемента, что является самым простым и легким способом добиться этого. Так или иначе, диссонанс, то есть существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний, сам по себе является мотивирующим фактором.

⁹⁰ Фестингер Л. Теория диссонанса. СПб.: Речь, 2000.

⁹¹ Фестингер Л. Теория диссонанса. СПб.: Речь, 2000.

Когнитивный диссонанс может пониматься как условие, приводящее к действиям, направленным на его уменьшение (например, голод вызывает активность, направленную на его утоление). Социальная группа для индивида является одновременно как главным источником когнитивного диссонанса, так и основным средством его уменьшения или даже полного устранения. Информация, получаемая в процессе коммуникации, может содержать элементы, диссонирующие со взглядом индивида на какую-либо проблему или ситуацию. Одним из наиболее эффективных путей устранения диссонанса между мнением индивида и группы является принятие набора когнитивных элементов, соответствующих точке зрения группы.

Как только степень диссонанса достигнет своего максимального значения, наименее стойкий когнитивный элемент изменится, тем самым, устраняя диссонанс. Таким образом, субъект, использовавший стереотип, раздвигает его границы, переходя на новый уровень осознания и интерпретации ситуации.

Признавая общие правила, автономные индивиды заботятся, прежде всего, о собственном существовании. В теории коммуникативного действия индивидуальная свобода выражается в праве иметь, высказывать и защищать собственные интересы. Если индивид нарушил своими действиями привычное существование других индивидов, а он это делает уже самим фактом появления на свет, то он может привести убедительные аргументы для доказательства того, что он не мог поступить иначе, и этим снимает претензии окружающих. Здесь индивид пользуется такими стереотипами, смысл которых состоит в том, что он требует от других определенного взаимодействия (т. е. манипулирует ими), определяет самого себя к какому-либо действию (принимает обязательства на себя), «упрекаем в чем-либо других или самих себя, признаем ошибки, приносим извинения, предлагаем какое-либо возмещение и т.д.»⁹².

⁹² Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург. «Наука» 2001. с. 52

На когнитивном уровне все это означает, что при анализе прагматической ситуации и последовательности высказываний слушающий применяет макроправила к предыдущим речевым актам, чтобы вычленить релевантную прагматическую информацию для интерпретации последующих речевых актов. Одна из важнейших функций понимания на макроуровне заключается в том, что говорящий и слушающий на основе выполняемых ими функций в отношении макроречевого акта могут устанавливать связь между высказываниями.

Информация, получаемая в процессе коммуникативного взаимодействия, должна функционально организовываться и редуцироваться. За каждым типичным социальным контекстом закреплён набор возможных фреймов, которые в свою очередь задают множество позиций, функций, свойств и отношений для участников коммуникации – членов социума. Более того, конвенциональная природа социального взаимодействия сама способствует образованию эпистемических фреймов с целью их последующего использования как эффективного средства организации более общего знания о социальных фреймах.

Итак, поскольку стереотип является языковым конструктом или абстрактным понятием, постольку у него должны быть когнитивные основания. Социальный стереотип является частью логической системы языка, которая основана концептами. В таком случае можно говорить о тождестве стереотипа и концепта. Концепты со временем изменяются, попадая под влияние других концептов.

С точки зрения когнитивных процессов стереотипы формируются на основе ассоциативных связей прототипических концептов, которые опосредованно связаны друг с другом, т.е. между ними имеются «отношения-к», естественно смысловые. Если есть отношения «от-к», возникает коммуникативная направленность, а есть направленность – есть и диалог. Диалог происходит в определенном пространстве. Данное пространство представляет собой «смысловое поле», которое представляет собой иерархическую систему эпистемических фреймов. Направленность в

пространстве будет служить границей (знанием) между всеобщим и единичным, тождественным и различным, т.е. различной поступающей информацией.

Информация, получаемая в процессе коммуникативного взаимодействия должна функционально организовываться и редуцироваться путем операций, так называемых стратегий в сознании. Стратегии характеризуются гибкостью, целенаправленностью и зависимостью от контекста. Стратегии допускают параллельную обработку, т.е. одновременный анализ частичной и неполной информации, поступающей одновременно из разных источников. Поэтому эти сценарии могут быть приложены к различным ситуациям путем заполнения терминальных позиций конкретной информацией.

Стереотипные ситуации могут быть представлены в сознании в форме сценариев таким образом, что индивиды могут взаимодействовать друг с другом на основе этого общего знания. Кроме сценариев отдельных эпизодов существуют фреймовые репрезентации об известных объектах и субъектах, так же как и знание о единицах, категориях и правилах языка, дискурса и коммуникации.

Таким образом, сознание субъекта действует как накопитель всей входящей и получившей интерпретацию информации и включает весь индивидуальный опыт, относящийся как к наблюдаемым событиям, или участниками последних, так и к воспринятым текстам. Для выражения накопленной информации в сознании используются как знаки естественного языка, так и дискурс в социальном контексте. В качестве основного типа репрезентации знаний выделяется «модель ситуации».

В основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения. Ситуационная модель строится вокруг схемы модели, состоящей из ограниченного числа категорий, которые используются для интерпретации

ситуаций. Эти схемы наполняются конкретной информацией в различных коммуникативных актах.

В связи с наполнением схем информацией, она должна быть классифицирована, ее итогом является формирование особой категории, позволяющей увидеть социальность в главных атрибутах ее бытия и функционирования. Формой объективации категории в языке является ее имя, и вне словесного означивания категории как таковой не существует. Фиксация связи предмета и его имени, структуры сознания и ее объективного языкового аналога – это сущность номинации. Таким образом, возникает стереотип. Свойство номинации в том, что, объективируя субъективную структуру сознания одного индивида, этот акт по своему сформированному языковому обозначению становится общим для говорящих на том же языке, позволяющим соотнести знак с определенным значением, т.е. сохраняющим внутреннюю согласованность между когнитивными элементами.

Иногда возникают такие моменты, когда появляется некая рассогласованность между когнитивными элементами. Происходит нарушение существующего социального стереотипа. Диссонанс, то есть существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний, сам по себе является мотивирующим фактором, а именно: придерживаться ли стереотипов в соответствующих ситуациях или отказаться от них.

Итак, в первой главе «Стереотипизация социальной субъективности в языковых конструктах» определено, что социальная субъективность на пределе смысла объективируется в языковых стерео-типах, как социальных типизациях, проявляющихся в «место»-положении социального индивида как типа, существующего в пространстве социальной нормативности.

Исходным стереотипом социальности оказывается «естественная установка» о существовании социального как непосредственной данности, повседневности или объективной действительности, которая в свою очередь является сферой его смыслоположения. Выделяя повседневность как объект

исследования, появляется возможность выявления субъективных оснований ее существования, т.е. условия объективации субъективного в стереотипах мышления. Исследователь как социальный субъект, который обращается к поиску исходных оснований собственного мышления, объективирует знания «как они есть» в конструкте «архетипов». Для обнаружения сознания или смысла в социальной целостности, субъект вынужден представить существование социальной связи как области объективации социальных представлений в структурах социальной повседневной деятельности между «естественной установкой» и «архетипами». В роли такой связи или «промежуточной» социальной реальности выступает язык; в таком случае возможно отождествление языка и повседневности. Это позволяет, с одной стороны, определить его как пространство смыслополагания очевидностей, т.е. область самополагания стереотипов, с другой стороны, сделать их «видимыми», предъявленными, существующими на границе между внутренним и внешним.

С помощью механизма стереотипизации накапливаемая информация представляет собой не просто сумму полезных знаний, но определенным образом организованный или типизированный опыт, который благодаря наличию структуры может быть любым индивидом передан во времени.

Информация, получаемая в процессе коммуникативного взаимодействия функционально организовывается и редуцируется путем так называемых «стратегий» в сознании. Индивиды, представленные в пределах стереотипа «усвоенного прошлого» социальной группы, вынуждены двигаться по определенным траекториям, заданным стратегией ситуации как языковым конструктом. Во время смены ситуации индивид осуществляет «перевод» с языка одной ситуации на язык другой или понимает социальность в ее изменчивости на пределе языка и мышления.

Стереотипные ситуации могут быть представлены в сознании в форме сценариев таким образом, что индивиды могут взаимодействовать друг с другом на основе этого общего знания. Кроме сценариев отдельных эпизодов существуют фреймовые или схематические репрезентации целостного знания

об известных объектах и субъектах, так же как и знание о единицах, категориях и правилах языка, дискурса и коммуникации. В качестве основного типа репрезентации знаний выделяется «модель ситуации».

Ситуационная модель строится вокруг схемы модели, состоящей из ограниченного числа категорий, которые используются для интерпретации ситуаций. Эти схемы наполняются конкретной информацией в различных коммуникативных актах. В связи с наполнением схем информацией, она должна быть классифицирована, ее итогом является формирование особой категории, позволяющей увидеть социальность в главных атрибутах ее бытия и функционирования. Формой объективации категории в языке является ее имя. Фиксация связи предмета и его имени, структуры сознания и ее объективного языкового аналога – это сущность номинации. Таким образом, возникает стереотип.

Свойство номинации в том, что, объективируя субъективную структуру сознания одного индивида, этот акт по своему сформированному языковому обозначению становится общим для говорящих на том же языке. Языковые знаки, имея универсальный характер, создают возможность для возникновения социальных типизаций, заключающих смыслы в подвижные границы стереотипов; соотносятся с определенным значением, т.е. сохраняется внутренняя согласованность между когнитивными элементами.

Но иногда появляется некая рассогласованность между ними. Происходит нарушение существующего социального стереотипа. Диссонанс, то есть существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний, сам по себе является мотивирующим фактором, а именно: придерживаться ли стереотипов в соответствующих ситуациях или отказаться от них.

Социальный стереотип является частью логической системы языка, которая основана концептами. Возможно, таким образом, тождество стереотипа и концепта. Концептуальная система задается дискурсивными рамками. Тем самым сохраняется сущность социальной целостности как коммуникативной реальности. При анализе дискурсивной деятельности,

заклученной в определенный фрейм, возникает саморефлексия языка, где субъект способен интерпретировать знаки, а тем самым и себя самого, при этом, обнаруживая границы стереотипа, т.е. смысл. Таким образом, субъект с изменением ситуации, задает подвижность границ стереотипа или смысла.

Глава II Со-бытие коммуникативной реальности в пространстве стереотипичности

§1 Аутопойезис языка социальной коммуникации

Социальная коммуникация – это система, состоящая из трех компонентов: информации, сообщения, понимания. Каждый из трех компонентов сам по себе является случайностным происшествием. Информация – это дифференция, изменяющая состояние системы, т.е. производящая другую дифференцию. Задачей параграфа является рассмотрение аутопойезиса социальной коммуникации как системы, которая сама организуется и сама же себя и описывает. Здесь определяются условия возможности коммуникации, задавая степень ее пригодности, как достижения, порядок следования коммуникативных структур.

Информация действует в пределах коммуникативной системы, изменяя ее состояния, устанавливая точки со-общения как точки самоопределения коммуникативной реальности. Функция коммуникации – в разгрузке и расширении когнитивных способностей индивида. Индивиды живут отдельно по биологическим причинам, но не независимо друг от друга. Они способны к дистантному восприятию, что способствует обмену информацией и позволяет быстрее получить больший объем информации. Необходимо понять, как система существует (вероятность системы коммуникации), какие ее структуры делают это существование возможным и как она функционирует. Неопределенное существование коммуникативной реальности представляется как некое внутреннее неструктурированное множество. Оно еще не объясняет то, как дело вообще доходит до аутопойезиса коммуникации. Поиск соответствующего объяснения требуется в самой системе.

Общество как система коммуникации дает индивидам возможность избирательного контактирования друг с другом при сохранении их независимости друг от друга. На уровне эмерджентной системы имеется какой-то собственный способ действия, в данном случае коммуникация, какой-то собственный аутопойезис, некая самообеспеченная продолжаемость операций – иначе эволюция возможностей замещающего обучения всегда оставалась бы безуспешной. Это значит, что «перенос» информации как субстанции с одного живого существа на другое невозможен. Невозможно понимание коммуникации как процесса переноса. Информации всегда являются временными различиями, производимыми внутри системы, а именно – различиями в системных состояниях, складывающимися в результате взаимодействия самореференциальных и инореференциальных – но всегда переработанных внутри системы – обозначений.

Системы коммуникации сами конституируют себя при помощи различения медиума и формы. Здесь Н. Луман⁹³ имеет в виду оперативное использование дифференции медиального субстрата и формы. Коммуникация возможна лишь как процесс этого различения, что является внутрисистемным фактом. Здесь наблюдается возможность тождества коммуникации и медиум-формы.

Системная теория дает объяснения, как события производят структуры, а структуры направляют события. Зависимое от наблюдателя различение медиума и формы как раз и является границей различения структуры и события, таковой границей выступает язык, где проявляется смысл или понимание. При этом наблюдатель находится внутри системы. Различение предполагает способность к сцеплению элементарных событий, как и необходимость структурированного языка – для проведения этого сцепления и его варьирования, согласно моменту. Таким образом, общество как система коммуникации существует как внутренняя организация пространственно-временных отношений.

⁹³ Луман Н. Медиа коммуникации. М.: «Логос». 2005. с. 11.

Подобно понятию информации, так же и различие медиума и формы всегда является внутрисистемным фактом. Как и для информации, так и для дифференции медиума и формы не существует соответствия в окружающем мире, а есть только условия ее возможности и соответствующие структурные сцепления (свободного и жесткого). Это означает, что коммуникация целостна, и эта целостность соответствует тому способу, которым вырабатывающая информацию система структурирует собственный аутопойезис. Свободно сцепленные слова объединяются в предложения и таким образом обретают некоторую форму: временную по отношению к коммуникации – воспроизводящую словесный материал.

Сцепление – понятие, в котором задействовано время. Оно организует порядок общности, т.е. является структурой. Следует говорить о сцеплении и расцеплении – о некоторой скоротечной интеграции, задающей форму и, однако, вновь распадающейся. Медиум собирается и снова распадается. Медиум, собираясь или оформляясь, является коммуникацией. Без медиума нет формы, а без формы нет медиума. Во времени же оказывается возможным постоянное воспроизводство этой дифференции. Различение свободного и жесткого сцеплений делает возможным – какими бы ни были соответствующие предметные оформления, какую бы основу ни имело бы восприятие – временную переработку операций в динамически стабилизированных системах, причем она делает возможными аутопойетические системы такого типа. В силу такого уплотнения и разуплотнения медиума также можно говорить о том, что медиум «циркулирует»⁹⁴ в системе. Его единство – в движении. Циркуляция возникает благодаря тому, что форма является более действенной, чем медиальный субстрат.

Эта временная последовательность непрерывного сцепливания и расцепливания служит как продолжению аутопойезиса, так и образованию и изменению необходимых для этого структур. Единство системы может

⁹⁴ Луман Н. Медиа коммуникации. М.: «Логос». 2005.

определяться через структурную стабильность в том случае, когда медиум поддерживает формообразование. Таким образом, то, что было формой становится медиумом для последующих форм.

Различение медиум-форма переводит невероятность оперативной непрерывности системы в некую внутрисистемно манипулируемую дифференцию, тем самым преобразует ее в некое рамочное условие для аутопойезиса системы. Действие системы производится таким образом, что она привязывает свой медиум к своим формам, не растрчивая при этом сам медиум. Те или иные актуализируемые формы, усматриваемые вещи, проговариваемые предложения в каждый данный момент сцепляют элементы системы в стереотипные формы, используя, но, не уничтожая их. Дифференция медиума и формы сохраняется в оперативном использовании и воспроизводится через нее. Как указывает Н. Луман, под «формой» следует понимать маркирование некоторого различия. Таким образом, наблюдается тождество формы и различия. Различение имплицитует себя самое, оно делает «автологичной любую работающую с ним теорию»⁹⁵. Поскольку для объяснения медиума и формы используется язык, различение становится аутопойетичным и приобретает смысл.

Смысл может актуализироваться только событийным образом, что происходит в горизонтах, которые предоставляют множество дальнейших возможностей актуализации. Любой актуально коммуницируемый смысл является формой, что значит маркирование различий или детерминированным установлением. В данном случае речь идет о свободном сцеплении. Свободное сцепление заключается в не зафиксированных возможностях перехода от одного к другому. Жесткое же сцепление – то, что реализуется в настоящем.

В области свободно сопряженных элементов форма – безотносительно ее рациональности и нормативным директивам – способна утверждать себя просто в силу своей более жесткой сцепленности. С другой стороны, формы менее постоянны, чем медиальный субстрат. Только

⁹⁵ Луман Н. Медиа коммуникации. М.: «Логос». 2005. с. 13.

формы могут подсоединяться друг к другу как отдельные операции системы. Если иметь в виду язык, лишь предложения – а не только слова – образуют смысл, который может перерабатываться в ходе коммуникации. Таким образом, наряду с временной, существует и качественная асимметрия в различении свободного и жесткого сцепления. Эта асимметрия является одним из условий аутопойезиса общества как коммуникационной системы.

Коммуникационные системы на основе асимметричной формы различения медиального субстрата и формы перерабатывают коммуникации. Тем самым происходит стереотипная ситуация, когда смысл фокусируется на том, что происходит в тот или иной момент, и что намечается к подсоединению. Так дело доходит до эмерджентного возникновения общества, и так общество воспроизводит себя в медиуме своей коммуникации.

Поскольку все, что существует внутри коммуникативной системы пояснено знаками и символами, постольку все языковые знаки интенциональны, т.е. специально предназначены для передачи значения⁹⁶. Основополагающий медиум коммуникации, гарантирующий регулярный, развертывающий себя как продолжающийся аутопойезис общества, – это язык. Только язык производит дифференцирование медиума и формы. Аутопойезис коммуникационной системы, предполагающий регулярную продолжаемость через дальнейшую коммуникацию, невозможен без языка, хотя, состоявшись в этом отношении, он и допускает неязыковую коммуникацию.

Доязыковая коммуникация может обнаружиться лишь в совокупности поведенческих возможностей наличных индивидов, еще не проявившись в своем смыслоконституировании. При этом значимая роль будет отведена «движению-в-пространстве». Здесь можно говорить о некой рекурсивной последовательности жестов, эмерджентные эффекты в которой начинали бы действовать при помощи этой рекурсивности. В подобных –

⁹⁶ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. с. 497.

воплощающихся в форме определенных эпизодов – взаимосвязях также можно обнаружить и специфицированные по видам, но ограниченно задействованные сигналы. Сигналы еще не являются знаком, они лишь запускают реакцию предвосхищения на основе типических, повторяющихся взаимосвязей настоящих и будущих событий, которые, однако, не распознаются как взаимосвязи.

В доязыковой области все же обнаруживаются шаги для эволюции языка: восприятие бытия воспринимаемым – это неизбежные формы социальности. На этом уровне социальность использует комплексность, способность восприятия к фокусированию и производит настоящее – почти без будущего. В любом случае, язык с его однозначным предпочтением акустических и на них надстраиваемых оптических медиа является исторически особой конструкцией эволюции, опирающейся на строгий отбор своих средств.

Знаки также являются формами, т.е. маркированными различиями. В форме знака – т.е. в отношении означающего к означаемому – выражена референтность: означающее означает означаемое. Сама же форма, напротив, не имеет никакого референта; она функционирует лишь как различие и лишь тогда, когда она фактически используется в этом качестве. То есть знаки – это структуры для повторяемых операций, которые не нуждаются в контакте с внешним миром. Различие между означающим и означаемым является внутренним различием, которое не предполагает, что обозначаемое существует во внешнем мире. Его особенность заключается в изолировании этого различия, посредством чего достигается стабильная независимость отношения означающего и означаемого от контекста его употребления.

Эволюция стереотипизованности употребления знаков является лишь предварительным условием эволюции языка, она оставляет необъясненными важные «своеобычности» языка и, прежде всего, решающее для него: оперативное замыкание использующей язык коммуникационной системы. Лишь рекурсивность последовательностей жестов, реализуемая в

виде специфических эпизодов, далее развивается в рекурсивное употребление знаков, в силу чего существует социальная реальность. Благодаря языку самореферентность смысла генерализируется, что происходит при помощи знаков, которые сами суть эта генерализация или автономия.

Коммуникация как деятельность, опосредованная знаками и символами, опирается на строгие нормы, признаваемые обществом совместно живущих и общающихся между собой индивидов. В результате чего возникает возможность речи. Коммуникативное действие опирается на такие символические (языковые или неязыковые) акты, при помощи которых индивид может понимать и контролировать действия других индивидов. С одной стороны, коммуникативное действие направлено на сообщение, с другой, на переговоры: языковое сообщение достигает своей цели, если принимается другими членами языкового сообщества.

Коммуникация нацелена не только на передачу информации ради нее самой, ради ее смысла, но она обращена и к прагматическим контекстам. Столь же редко коммуникация сопутствует сохранению автономности индивида, поскольку часто требует откровенности, с одной стороны, и нахождения баланса интересов, с другой. В повседневном общении индивидам не свойственно принимать эту установку. «Американские кинематографические диалоги типичны в этом отношении, когда, скажем, полицейский, подбегая к раненому бандитом напарнику, спрашивает: «Ну, ты о'кей?» «О'кей», – отвечает тот, зажимая рукой простреленный бок. Англичане или немцы, встречаясь на вечеринке, начинают обсуждать погоду, спорт или автомобили. Прогуливающие собак пенсионерки беседуют о поведении своих питомцев. Бабушки на скамейке у подъезда перемывают кости проходящим мимо соседям. Интеллигенты на кухне спорят о политике»⁹⁷. И даже если заходит речь о собственных проблемах, то при этом общение носит не информационный характер, а направлено на эмоциональную разгрузку или подпитку. Здесь дискурс самоценен как

⁹⁷ Касавин И.Т., Щавелев С.П.. Анализ повседневности. М.: Канон+. 2004. с. 407.

таковой, а текст не имеет значения; он может быть любым. Таким образом, стереотипная природа такой коммуникации не предполагает осмысленной конструкции текста, но требует живого течения дискурса, создающего символическое поле эмоционального единства, коммуникационного сосуществования на фоне внутренней отстраненной автономии.

Обыденное знание не только изображает реальное общество для его членов, но сами свойства реального общества, как самореализующиеся предсказания, воспроизводятся индивидами посредством мотивированного подчинения этим фоновым ожиданиям. А значит, стабильность согласованных действий должна прямо зависеть от всех и любых реальных условий общественной организации, которые обеспечивают мотивированное подчинение индивидов этой фоновой системе «уместностей» как узаконенному порядку представлений о жизни в обществе, как они видятся «изнутри» этого общества.

В теории «универсальной прагматики» Ю. Хабермаса, «понимание» как когеренция словесных смыслов субъектов коммуникации выступает условием консенсуса, что предполагает «корректное» употребление языка⁹⁸. И здесь языковые правила рассматриваются как конститутивные для языка вообще. Участник коммуникации должен фокусировать внимание на специфических особенностях речевой ситуации, которые могут оказаться полезными для правильного понимания не только значения/референции, но и прагматических целей/интенций. Конечно, участники коммуникации обычно находятся в состоянии определенного «ожидания» по отношению к возможным последующим речевым актам иначе аутопойезис коммуникации невозможен. Но окончательное определение характера речевого акта происходит уже после понимания самого высказывания и после сопоставления прагматически релевантной информации, содержащейся в высказывании, с информацией, полученной при анализе прагматического контекста. В этом отношении прагматическое понимание аналогично процессу понимания смысла высказывания, когда предыдущий дискурс (а

⁹⁸ Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург.: «Наука». 2001

это и есть предпосылка к пониманию, выраженная стереотипным высказыванием) и знание смыслового контекста играют важную роль в интерпретации каждого последующего предложения (высказывания). Т.е. сначала вычленяется и узнается то, что уже было определено некогда предшествующими поколениями.

Процесс коммуникативного взаимодействия представляет собой последовательную реализацию двух самостоятельных партий коммуникантов, процедур текстообразования и интерпретации, выполняемых разными индивидами. Поскольку обе коммуникативные процедуры носят латентный характер, индивидуальные сознания коммуникантов изолированы, то, вообще говоря, контексты текстообразования и интерпретации в строгом смысле всегда различны настолько, насколько отличны мысли различных индивидов, их представления одних и тех же предметов, ситуаций и т.д. Говоря о текстообразовании, имеется в виду не только и не столько этимологическое значение (образование текста, производство речи), сколько значение коммуникативной партии коммуникатора вообще⁹⁹. Данное обстоятельство обусловлено тем, что, с одной стороны, в случае речевой коммуникации текстовый канал не является единственным каналом информации (нетекстовые источники информации часто играют весьма значимую роль в процессе интерпретации речекоммуникативного воздействия); с другой – традиционным является положение о том, что понимание текста определяется его контекстом (в том числе социально-прагматическим контекстом, который может создаваться или спонтанно или сознательно избираться коммуникатором для сообщения соответствующего текста).

Таким образом, коммуникативная ситуация выглядит не так, что коммуникатор передает сообщение непосредственно адресату, а так, что коммуникатор, исходя из своих целевых презумпций и используя определенное знание, формулирует некоторое речевое сообщение в некотором контексте (включающем его собственные представления о

⁹⁹ Шнейдер В.Б. Коммуникации, нормативность, логика. Екатеринбург.: Изд-во Урал. Ун-та. 2002

физическом, социальном, интеллектуальном, психологическом и т.д. измерении ситуации), а адресат участвует в коммуникации посредством интерпретации сообщения и контекста его представления в собственном ментальном контексте интерпретации.

Принципиальный механизм процедуры текстообразования как процедуры создания текста, претендующего на представление, выражения мысли может быть представлен в наиболее общем плане, следующим образом. На основании собственного представления и понимания индивид конструирует более или менее конкретную и явную контекстную модель ситуации коммуникации, определяя, таким образом, эксплицитный контекст представления смысла продуцируемого текста. Далее на основании и коррелятивно элементам данной контекстной модели продуцируется, разворачивается текст. Семиотический аспект непосредственного образования текста, выражения предусмотренной мысли представляет собой логико-лингвистическая процедура кодирования. Что касается когнитивных процедур текстообразования, основополагающих для данного текста, то они носят языковой характер настолько, насколько языковым является характер процесса мышления индивида, результатом которого оказывается данный текст. В процессе их логико-лингвистической реконструкции используется как процедура кодирования, так и обратная ей процедура декодирования.

Представление текста в качестве самостоятельного феномена, который во временном отношении может в зависимости от обстоятельств фактически совпадать или следовать за уровнем кодирования, осуществляется как процедура создания определенной последовательности знаков, являющихся, вообще говоря, идентификаторами смыслов.

Принцип коммуникативной связности текста также показывает, что семантика дискурса не является автономной в том смысле, что достаточно знать лишь лексические знания слов и их сочетаний. Необходимо и знание о социальном и, следовательно, необходим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной социальности. Анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации дискурса вообще и

в установлении связности текста в частности. Интерпретируемое поведение всегда является настолько специфически ситуативно определенным, что вообще не остается игрового пространства для дифференцирования медиума и формы, каковое дифференцирование как раз и производится языком.

Индивид осуществляет процедуру стереотипной интерпретации в рамках некоторой ситуации интерпретации. Аналогичным образом тому, как представление смысла при текстообразовании происходило в ментальном контексте коммуникатора, смыслообразование при интерпретации текста происходит в ментальном контексте интерпретатора. Аналогично понятийному контексту коммуникатора, понятийный контекст интерпретации может быть представлен некоторой контекстной моделью и основаниями ее продуцирования. Точно так же данная контекстная модель интерпретатора включает три принципиально различных вида представлений: социально-прагматические представления о коммуникативной ситуации, тематические представления и представления о реферируемой (с точки зрения интерпретатора) данным текстом ситуации социума. Для того, однако, чтобы сконструировать конечный вариант контекстной модели как непосредственный контекст, с точки зрения которого предложенный текст представляет свой смысл, интерпретатору предстоит осуществить рефлексию над ситуацией интерпретации с целью определения специфических особенностей характера возникающей коммуникативной ситуации, возможности и практической целесообразности ее модельной реконструкции и пути получения соответствующих репрезентаций коммуникативной ситуации. Далее в зависимости от ориентирующих результатов предыдущей процедуры интерпретатор в предлагаемой нами версии описания механизма процедуры интерпретации приступает к формированию контекстной модели представления смысла, начиная с рефлексии над коммуникативной ситуацией. Данная рефлексия над коммуникативной ситуацией имеет своей целью установление, прежде всего и в основном социально-прагматического контекста, иллокутивной силы высказывания. В зависимости от конкретных условий интерпретатор может

иметь весьма различные по характеру и количеству источники информации о ситуации, с помощью которых с привлечением основополагающих данных своего сознания он в состоянии продуцировать некоторые модельные представления о социально-прагматическом измерении ситуации коммуникации. Однако в последнем счете приписывание некоторому высказыванию определенной иллокутивной силы зависит от полной интерпретации самого высказывания. Но тогда есть основания полагать, что и контекстные представления о социально-прагматическом измерении ситуации могут быть скорректированы после полной интерпретации текста.

Чем богаче и тоньше то, что хочет донести до людей интерпретатор, тем больше оно будет искажено, т.к. передается с помощью стандартной речи и распространяется в социальном пространстве. При анализе сложного сообщения в распоряжении говорящих имеются различные виды стратегий понимания, функции которых заключаются в быстром выдвижении гипотез относительно наиболее вероятных структур настоящей и последующей стадий коммуникации. Эти стратегии опираются на «индикаторы» и «ключевые признаки» текста и контекста (интонация вопроса в просьбе, устойчивые выражения, фиксированные жесты и типичные действия в определенных фреймах).

Объекты социального мира могут быть восприняты и выражены разным образом, поскольку они содержат всегда часть недетерминированности и неясности и, в то же время, некоторую степень семантической растяжимости: действительно, даже наиболее устойчивые комбинации свойств всегда основываются на статистических связях между взаимозаменяемыми чертами; кроме того, они подвержены изменениям во времени таким образом, что их смысл (в той мере, в какой он зависит от будущего) сам находится в ожидании и относительно недетерминирован. Этот элемент неопределенности, который часто усиливается эффектом категоризации – одно и то же слово может покрывать различные практики – дает основание для множественности воззрений на мир, которая в свою

очередь тесно связана со множественностью точек зрения, и, одновременно производить и навязывать легитимное видение мира.

Если до развития языка живые существа проживали структурно связано, таким образом, подвергаясь коэволюции, то язык дополнительно к этому делает возможными сцепляющую связь операций, которые могут контролироваться их участниками. Это, по мнению Н. Лумана, умножает возможности принимать условия определенных «внешних миров» или же ускользать от них и предоставляет самоорганизации участников шансы на то, чтобы самим дистанцироваться от содержания коммуникации. «Мы остаемся по-прежнему воспринимаемыми, но постигаемыми мы оказываемся лишь в том, что продуманным образом предлагаем в языковой коммуникации»¹⁰⁰. Как следствие вышеобозначенного, в ходе нормализации этих операций формируется собственная аутопойетическая система языковой коммуникации и одновременно вполне совместимая с отрефлектированным участием коммуникантов.

Говорение – это специализированное на коммуникации, отдифференцированное для исполнения этой функции и тем самым очень выделяющееся для понимания поведение. В акустическом, а для письменности – оптическом медиуме восприятия язык отдифференцирован с такой выразительностью формы, что не может возникать никаких сомнений в факте его использования, причем такой же уверенности ожидают от восприятия и других участников. Любой из участвующих знает о себе и о других, что языковые фиксации смысла выбираются случайным образом. Уже сам «материал» языка является оформленным и лишь в силу этого воспринимаемым; но дополнительно к этому в нем наличествуют отнесения, не зависящие от конкретности ситуации и потому делающие возможным повторное употребление языковых выражений. В силу этого знаки одновременно обретают определенную форму, что делает возможными уточняющие вопросы и интерпретации текста.

¹⁰⁰ Н. Луман. Медиа коммуникации. М.: Издательство «Логос». 2005. с. 30.

Любая выбранная грамматическая единица или конструкция в речи, одновременно влечет за собой выбор способа описания ситуации и ее образа. Р. Лангакер справедливо отмечает, что это совершается «в коммуникативных целях»¹⁰¹. Но сказанное им можно явно распространить и на создание любой единицы: конечная ее ценность определяется именно тем, насколько хорошо она будет служить передаче данной структуры знания не только в системе языка в целом, но и в том стереотипном фрагменте речевой деятельности, для участия в котором она была создана.

Части речи, обретая свою форму для передачи разных значений как разных структур знания, оказываются со временем способными отражать не только специализации отдельных типов значений (предметных в отличие от не предметных и т.п.), но и закрепленность подобных разных значений за разными «телами» знаков, а, следовательно, связанность – пусть и в очень общем виде – тела (формы) знака со способом представления в нем определенной семантики.

В языке условно разграничивается план содержания и план выражения, и, следовательно, выделяются единицы этих планов. Содержательный план языка представляет собой систему семантических признаков, формальный план языка сводится к системам фонетических и формально-грамматических признаков.

Семантический план языка представляет собой континуум, в котором выделяются в силу объективной отдельности предметов семантические признаки разного уровня абстракции. Некоторые из этих признаков являются категориальными. Категориальный признак как предмет изучения требует предварительного определения того, что есть признак. Признак – это показатель, примета, знак. Назначение знака – передавать информацию, знак обусловлен коммуникативной способностью индивида, и поэтому главное в знаке – его коммуникативная природа. Коммуникативная способность приводит к использованию чего-либо в качестве знака (барабанный бой – тревога, поклон – уважение). Таким образом, знак по своему назначению

¹⁰¹ Лангакер Р. Когнитивная грамматика. М., 1985

заместителен, т.е. противопоставлен наличному и даже означаемому явлению. Важнейшими отношениями знака являются отношения цели и замещения: знак используется для чего-то и вместо чего-то.

Содержание и форма знака пребывают в состоянии подвижного равновесия и характеризуются, как доказал С.О. Карцевский, «стремлением к нарушению такого равновесия: потребности общения заставляют нас искать новые способы обозначения для прежнего содержания, и те же потребности толкают говорящих к переосмыслению формы, ее наполнению новым содержанием»¹⁰². Система стереотипов заменяется новым значением и содержанием, которое в свою очередь становится также стереотипным.

В семантическом признаке выделяются его стабильная и вариативная части, иначе говоря, малое и большое содержание. Благодаря малому содержанию семантических признаков мы можем понимать друг друга в целом, основываясь на социально-закрепленных, т.е. стереотипных значениях слов. Слово репрезентирует не только мир вещей, но и те лингвистические классы, по которым эти вещи распределены в языке: слово является представителем своей части речи, своего лексико-семантического разряда и, наконец, тех обязательных грамматических значений, которые эту часть речи отличают. Оно одновременно «знаменует» и «служит», выполняя различные связующие и текстообразующие функции.

В языковой форме коммуникация воспроизводит то, в чем она сама нуждается для осуществления своего автокатализа, а именно двойную случайность; и какое бы начинание не предпринималось, коммуникация непременно обновляет в нем свои собственные предпосылки. Ни говорящий, ни слушающий не могут оспаривать факт коммуникации как таковой. В крайнем случае, всегда можно довольствоваться неточным или неправильным пониманием, интерпретацией или еще какой-либо ретроспективной коммуникацией о коммуникации. Проблемы коммуникации вновь обращаются к коммуникации. Система замыкается. Невероятный сам

¹⁰² Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака// Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. 3-е изд. - Ч.2. 1965. с. 85

по себе аутопойезис системы коммуникации становится, таким образом, вероятным. Но одновременно он сохраняет собственную невероятность через то, что любое определенное высказывание, соотнесенных с бесчисленным множеством других возможностей, становится невероятным. Четкое внешнее отграничение системы ведет к выстраиванию структурированной сложности, которая и делает любое определенное отдельное событие в системе невероятным.

Язык связан со слухом, и это навязывает установления определенного последовательного порядка. Различные элементы звукового ряда, должны придавать смысл друг другу, следуя друг за другом; их сообразования друг с другом требуют времени и не могут проистекать из мира, обозреваемого в срезе одновременности – пусть даже это является наблюдением за говорящим человеком. В связи с этим, язык нуждается во временной организации, которая заранее структурно не фиксирует возможные секвенции, – т.е. в грамматике. Для акустического медиума изначально необходимы абстракции более определенные фиксации значений отдельных компонентов. Именно таким образом становится возможной повторяемость и лишь так, несмотря на неодновременность – причем неодновременность, отличную от неодновременности движений во внешнем мире, – производится смысловая взаимосвязь. Второй уровень коммуникации налагается на первый уровень увиденного. Таким образом, языковая коммуникация – это, прежде всего переработка смысла в звуковом медиуме. Через дифференцию звука и смысла язык наделяет коммуникацию способностью к мимолетному приспособлению к мимолетным ситуациям; а затем также и способностью к смысловым конструкциям, которые позднее можно было бы либо подтвердить, либо опровергнуть. И лишь в силу этого можно полагаться на то, что коммуникация может подсоединяться к коммуникации и что всегда имеется возможность что-то сказать.

Оперативно обусловленная одновременность наблюдения и наблюдаемого мира не может быть разорвана, что также верно применительно к тем случаям, когда смысл устанавливается лишь в

результате эпизодизации. Направленность восприятия на перспективу зависит от того, гарантирует ли окружающая действительность через свои константы достаточным образом то, что актуальная реакция адекватно подготавливает к будущему. Лишь язык делает возможным синхронизацию с отдаленными по времени событиями – что первоначально происходит независимо от того, располагает ли язык формами, посредством которых можно было бы выразить различие между прошлым настоящим или будущим. Язык как раз делает возможным предвидение или же предопределение того, что может быть сказано позднее. Язык также может – в более или менее разработанной форме – обозначать нечто «уже-не» или «еще-не»-существующее.

Итак, в процессе рассмотрения системы общества как системы коммуникации, обнаружилось, что коммуникация – это отношение медиума и формы, где медиум является субстратом, а форма – его способом организации. Таким образом, на основании тождества общества и коммуникации, можно утверждать, что общество существует как некий субстрат или нечто. Это нечто существует определенным образом, значит оно определено, т.е. существует организовано во времени и пространстве или упорядоченно.

Пространственная расположенность общества задает некую дистанцию, которая определяется через некое различие или различение. Все, что существует, оно находится в отношениях общности и различения. Общность является временной структурой, различение – пространственной.

Медиум, приобретая форму, становится единством или коммуникацией. Но у коммуникации есть свойство изменчивости, в связи с чем, медиумом становится то, что было формой.

Все, что существует внутри системы оформлено в знаки и символы, что сопутствует становлению языка. В языке имеется план содержания и план выражения. Закрепление знаков и значений ведет к возможности возникновения речи. Первые формы закрепления – это предложения. Речь состоит из предложений.

Язык возникает как устная коммуникация, которая предполагает говорящего и слушающего, что ведет в свою очередь к речи. Когда речь передает сообщение, она сама не исчезает. Это говорит о том, что процесс передачи не является вещью. Это акустический процесс. Медиум речи – звук, (для письменности – оптический медиум понимания). Форма – устная передача, где наблюдается некая последовательность звуков в пространстве и во времени. Сама последовательность звуков задает общность, а последовательность звуков в пространстве позволяет этим звукам различаться. На основании этого появляется дистанция говорящего и слушающего. Единство произносимой речи объединяет говорящего и слушающего, а также контекст без чего речь была бы невозможной. В результате такого диалога обеспечивается понимание.

Коммуникативная ситуация есть не прямая передача информации адресату, а обусловленная презумцией смысла коммуникатора, на основе определенного запаса знаний в некотором контексте. Адресат получает некоторую информацию посредством стереотипной интерпретации сообщения и контекста его представления в собственном понятийном контексте интерпретации. Интерпретатор осуществляет рефлексию над ситуацией интерпретации с целью определения специфических особенностей характера возникающей коммуникативной ситуации, модельной реконструкции и пути получения соответствующих репрезентаций коммуникативной ситуации, для того, чтобы сконструировать конечный вариант контекстной модели как непосредственный контекст, с точки зрения которого высказывание представляет свой смысл.

Интерпретатор так реконструирует процесс мышления, чтобы получить в качестве контекстной модели эксплицитные основания, из которых он вытекает. В этом плане текст понятен интерпретатору как выражение мысли или образ социального.

Любая грамматическая единица или конструкция в речи используется для передачи данной структуры знания в том стереотипном фрагменте речевой деятельности, для участия в котором она была создана.

Условием аутопойезиса языка социальной коммуникации является замкнутость самоорганизованной системы, состоящей из трех компонентов: информации как диалога говорящего и слушающего, сообщения как процесса передачи информации и понимания как восприятия информации.

§2 Самоопределение социальной целостности в структурах стереотипа

Социальный мир или социальная действительность – это интерпретированное субъектом бытие, включенное в содержание социального. Согласно М. Хайдеггеру, между человеком и миром нет изначального субъектно-объектного отношения. Субъект и объект образуются лишь путем замещения (вытеснения, выворачивания наизнанку) друг друга: «проблема сознания рождается из анахронизма. Она утверждает одновременность субъекта и объекта, чьи таинственные отношения хотела бы выяснить. Но субъект и объект не могут сосуществовать, поскольку они и есть одно и то же явление... Каждый объект лишается своих качеств в пользу соответствующего субъекта. Свет превращается в глаз и более не существует как свет – теперь это лишь раздраженная сетчатка. Запах становится носом – и весь мир тут же перестает пахнуть...»¹⁰³. Задачей данного параграфа явилось исследование социальной действительности как самоопределяемой и таким образом самоконструируемой целостности в языковых структурах стереотипа.

По мнению М. Хайдеггера, для вопрошающего субъекта бытие раскрывается через все, что люди познают. Понимание сущего всегда уже зависит от первичного понимания мира, т. е. от первичного проекта *Dasein*, «живущего-в-мире». Сущее становится «непонятным», когда мир предстает как «внешний» или «реальный», т. е. в хайдеггеровском смысле – как совокупность наличных предметов. «Понимание — это всегда понимание Другого. Что себя отодвигает, что себя сдвигает тогда, когда мое слово достигает Другого, или тогда, когда текст достигает своего читателя, — никогда не может быть зафиксировано в жестком тождестве. Там, где должно быть понимание, там обнаруживается не только тождество»¹⁰⁴. Субъект не может смотреть на социальный мир иначе, чем через собственное бытие и мышление, вместе с тем вопрошая о бытии «как таковом». Для мыслящего

¹⁰³ Турнье М. Пятница. М., 1999. с. 109-110

¹⁰⁴ Гадамер Х.-Г. Деконструкция и герменевтика СПб., 1999. С. 247.

субъекта характерно стремление повсюду быть дома в совокупном целом. Таким домом для субъекта является язык, который тождествен мышлению и становится домом бытия.

М. Хайдеггер различает бытие и сущее. По его мнению, различая сущее и бытие, можно сущее именовать, понимать и определять, как таковое. «Сущее в целом бес-ценно, значит: оно стоит вне всякой оценки, потому что такая лишь сделала бы целое и безусловное зависимым от частей и условий, которые только из целого суть то, что они суть»¹⁰⁵. Можно говорить лишь о сущем, но не о бытии, т.е., по мнению мыслителя, бытие не дается нашей рефлексии, поскольку оно, как самое ближайшее, невидимо. Бытие подобно «ситуации» зрения, которое все видит, но не видит себя самого. Бытие как бы проходит сквозь «пальцы» рефлексии, не оставляя никакой возможности с ним «вступить в контакт», в такой же, в какой индивид вступает с сущим. Сущее может вообще быть сущим, когда можно его ограничить, ибо в противном случае оно выступает как некое недифференцированное «образование». Но, налагаемые границы на сущее, в то же время преступаемы¹⁰⁶. А, преступая данные границы, индивид оказывается во власти стереотипов, т.е. его мышление зависит от стереотипов или предрассудков. Метафора границы двусмысленна: она не только указывает на ограниченность предыдущего способа вопрошания, но (тем самым!) ограничивает, т.е. намечает, новое поле исследования. Метафорическое значение — это всегда значение высказывания говорящего¹⁰⁷. Фиксируя ту или иную социальную позицию субъекта познания, это знание в некотором смысле «освобождается»¹⁰⁸ от навязанных стереотипов, очерчивается граница его адекватности. Но в то же время нельзя не признать, что обнаружение и теоретическая фиксация ограниченности той или иной теории не означает тем самым устранения этой ограниченности.

¹⁰⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. с. 101

¹⁰⁶ Соколов Б.Г. Понимание со-бытия. СПбГУ, 1997.

¹⁰⁷ Серль Дж. Метафора. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

¹⁰⁸ Борисов Е.В. Диалог как судьба. Со-бытие с Другим в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера, М. 2003.

Чтобы обладать бытием, необходимо именно быть, или быть причастным времени, вступать в его «пространство», присутствовать во времени. Быть – тождественно быть временным, ибо если сущее не может хоть на миг быть причастно времени, то и говорить о его существовании вообще не стоит.

Если имеется связь с бытием, то положенность бытия дает положенность сущего, а также положенность связи бытия и сущего, т.е. связи бытия с индивидом и сущим. Иными словами, поскольку бытие дано, положено, постольку дается и связь, дается сущее, а также то сущее, в котором осуществляется эта положенность, а именно, положена экзистенция индивида. Причем это верно не только в отношении бытия: и сущее, и экзистенция индивида взаимополагают друг друга. Бытие дается не как «ближайше-прозрачное», а дается всегда как со-бытие. Положенное вместе с бытием со-бытие полагает не просто какое-либо одно сущее или какую-либо одну экзистенцию. Положенное бытие есть не отдельное сущее, а полагает одновременно тотальность сущих.

Итак, связь, которая дана вместе с бытием, полагает со-бытие бытия. Сама же со-бытийность бытия разворачивается как время, а это значит, что она со-временна. Со-бытие собирает в себе в ином временном измерении как вневременность вечности, так и сплав в настоящем, прошлого и будущего. Бытие как со-временное со-бытие бытия дается и постигается как «коррелят»¹⁰⁹ современности; оно включено и, одновременно, развертывается в со-временности.

Структура со-бытия бытия «подобна» процессу понимания как смыслопорождающей деятельности субъекта, т.к. сам субъект дает возможность бытию стать со-бытием в своей истине. В со-бытии субъект не только открывает и приближает мир к себе; он раскрывает для других и для себя самого собственное бытие, т.е. становится не просто открытым, но еще и откровенным. И потому со-бытие бытия может быть описано.

¹⁰⁹ Соколов Б.Г. Понимание со-бытия. Метафизические исследования. Альманах Лаборатория Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ, 1997.с. 19

Описание есть не просто символическое действие, внезапно изобретенное индивидом, но оказывается сущностным. Понимание «как таковое» опирается не на понимание отдельно взятого сущего, а связывает в едином процессе как понимающего, так и понимаемое, равно как и контекст, в котором происходит само понимание. Со-бытийность понимания имеет место быть тогда, когда все указанные три момента взаимоформируются и взаимодействуют в едином пространстве. Иными словами, сущее понимается через его включенность в общее пространство со-бытия и через взаимный процесс о-пределения или о-пределения. Со-бытие же разворачивается в различных горизонтах и перспективах, прежде всего во временной и онтологической.

Как известно, время традиционно разделяется на три части. Это прошлое, настоящее и будущее. Вместе с тем, сама временная перспектива не может быть наглядно представлена моделью луча или прямой линии с неуловимой точкой-настоящим. Временная перспектива сохраняет и усложняет многомерность со-бытия бытия. Поскольку же исследование бытия проводится субъектом (а иное можно только что помыслить), то в со-бытийность бытия изначально включен вопрошающий субъект, как точка самоопределения социальной субъективности как целостности. Будущее и прошедшее удостоверяются в настоящем, поэтому правильнее будет именовать их не просто будущим или прошедшим, а будущее настоящего и прошлым настоящего.

Текущность времени осмысливается А. Бергсоном в такой интерпретации: «времени свойственна текущность: уже истекшее время образует прошлое, настоящим же мы называем то мгновение, где оно течет. Но здесь не может быть речи о математическом мгновении. Без сомнения, существует идеальное настоящее, чисто умозрительное, — неделимая граница, отделяющая прошлое от будущего. Но реальное, конкретное, переживаемое настоящее... необходимо обладает длительностью»¹¹⁰. Время перетекает из прошлого в настоящее, а настоящее — это место, где оно течет.

¹¹⁰Бергсон А. Материя и память. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1992. С. 246

Настоящее – не та точка, которая лишь обозначает отмечаемое каждый раз в мыслях окончание «протекшего» времени, видимость зафиксированного конца, а подлинное, наполненное настоящее – существует лишь тогда, когда осуществляется присутствие, встреча, отношение. Только через присутствие «Ты» возникает настоящее¹¹¹.

Кроме того, А. Бергсон вводит понятие длительности, которое отличается от абстрактного и математизированного времени. Настоящее обладает длительностью или настоящее длительно; существование обладает длительностью или существование длительно. Настоящее есть момент длящейся экзистенции, то в чем индивид пребывает и присутствует. Прошлое воспринимается как сбывшееся, как удержанное, как умершее настоящее. Будущее предстает как ожидание. Времена экзистенциальны, ибо лишь субъект удостоверяет их в различных модусах своего сознания. Будущее дается в модусе ожидания или в модусе возможного и наступающего присутствия, настоящее в модусе непосредственного присутствия, а прошлое в модусе удержанного присутствия. Таким образом, индивид всегда говорит о присутствии, т.е. он удостоверяет своим присутствием длительность времени. Но удостоверяет он это лишь потому, что данный процесс удостоверения есть самоудостоверение. Индивиды удостоверяют собственную длительность и собственное присутствие. Однако вопрос о присутствии, когда он касается времени, бытия, самого присутствия есть вопрос о при–сутствии, или вопрос о со–временности, со–бытии. Ответ на него не идет путем отсылок, отношений (где, когда, по отношению к чему и т.п. есть связывание отношениями и отсылками), а путем самоуглубления, где при–сутствие есть само «сутствие», нахождение «при сути», а со–бытие – бытие, современность же, через со–временность, — само время. При–сутствие удостоверяет себя само и этим определяет или о–пределивает(ся). При–сутствие же дается как при–сутствие экзистенции индивида, которая есть эк–зистенция, т.е. изначально интенциональна и есть то, что выступает,

¹¹¹ Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.

преступает любые пределы, и, прежде всего пределы, положенные осмыслением времени как прямой линии с одной опорной точкой (настоящее) и двумя направлениями (будущее и прошлое). «Внутреннее постижение времени — очень личное, и через сигарету оно дает мне постижение смерти и небытия, а через них — вечности, но той вечности, в которой мое место утрачено»¹¹². Постигание — это, прежде всего со-присутствие.

Таким образом, сущее предполагает временность, более того, сущее обладает существованием постольку, поскольку это существование есть время. Нельзя помыслить сущее, не обладающее временным существованием. Быть — это обладать временным существованием. Бытие и время суть одно и то же, поэтому, говоря о бытии, речь идет о времени. Итак, «первичная» данность для рефлексии бытия — это не бытие, а сущее, точнее со-бытие бытия, «первичная связь» бытия в со-бытии. Бытие существует как со-бытие бытия, которое может быть принято как сущее. Следует говорить о со-бытийности бытия, об изначальном разворачивании бытия как «первичной связи» в со-бытие, об изначальной включенности в это со-бытие временности.

Таким образом, бытием определяется не сущее, поэтому бытие не может быть предикатом какого-либо сущего. Бытие определяется со-бытием. Как изначальная временность, это определение дается во временной перспективе. Делая какое-либо определение любого сущего, тем самым налагаются какие-то границы этого сущего, т. е. со-бытия бытия. Для вынесения какого-либо определения используются стереотипы. Сущее, как сущее, ограничено. Граница, по сути, формует сущее, т.е. граница делает сущее сущим, о-пределивает сущее. Безграничное не может быть сущим, поскольку не-о-пределимо. Для того чтобы быть, необходимо быть ограниченным. Граница и форма уже не есть существование, сущее, поскольку она формует сущее. Граница бесконечно исчезает и, в тоже время,

¹¹² Соколов Б.Г. Понимание со-бытия. Метафизические исследования. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ. 1997. с. 28.

полагается. Она неуловима и все же она есть. Ее бытие — в неуловимости, ускользании. Граница полагается как связь и разделение одновременно. Существование сущего, которое полагается границей, полагается вместе с существованием иного. Иное — это тоже сущее. Это иное отделено границей. Граница разделяет и, одновременно, соединяет. Таким образом, бытие сущего есть со-бытие.

Определение есть описание: смысл того или иного со-бытия выявляется в его описании. Описание есть история как определение, а значит о-пределивание или о-граничение. Историческое со-бытие разомкнуто и всегда присутствует в настоящем. Оно не просто в модусе воспоминания может со-присутствовать и со-бытийствовать настоящему, но и быть им и даже через него быть, со-бытийствовать будущему. Прошлое через со-бытийность о-пределивает настоящее и будущее. Таким образом, описание имеет не одно направление, оно разнонаправлено: «вектор» идущий из ожидаемого будущего через настоящее к прошлому оказывается, через со-бытийность, одновременно, «вектором», идущим из прошлого в будущее.

Только в со-бытии с «Другим» индивид способен реализовать заложенные в нем потенции, отразить многогранность и противоречивость окружающего его пространства. Открыв «Другому» доступ к себе, субъект становится более доступным и для самого себя: «Я становлюсь Я, соотнося себя с Ты»¹¹³, то же мы находим и у П. Лаина Энтральго: «Другой должен стать для меня внутренним и личностным “я”; или — что то же самое — стать для меня “ты”»¹¹⁴, и у Ф. Эбнера: «Когда я говорю Ты, я уже сказал “Ты есть”, и когда я говорю Ты, я уже сказал “Я есть”»¹¹⁵. Другой как бы создает «излишек присутствия за границами моей субъективной жизни»¹¹⁶.

В данной ситуации уже невозможно говорить о «Другом», можно лишь обращаться к «Другому», т.е. вступать с ним в диалог. В отличие от

¹¹³ Бубер М. Я и Ты. Бубер М. Два образа веры. М., 1995. с. 21

¹¹⁴ Лайн Энтральго П. Теория и реальность другого. История философии. М., 1997. № 1. с. 180

¹¹⁵ Эбнер Ф. Слово и духовные реальности. От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. с. 29

¹¹⁶ Рикёр П. Кант и Гуссерль. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX в. Томск, 1998. с. 187

герменевтического диалога, в котором приоритетом обладают либо собеседники (как у М. Бахтина), либо текст как предмет понимания (Г. Гадамер), в экзистенциализме пространство диалога онтологизируется, сфера «между» становится местом встречи трансцендентного и личностного (Г. Марсель), областью откровения «Слова», которое одновременно исток языка, бытия, Бога (Ф. Эбнер, М. Хайдеггер). Интерсубъективность, таким образом, обнаруживается не только в отношениях между отдельными субъектами, но является сущностью каждого субъекта.

Стереотип, являясь границей, в которой проявляется смысл, способствует процессу интерпретации индивидом пространства социального бытия в аспекте повседневности, т. е. посредством эмоционально-чувственного восприятия. В аспекте герменевтики данный процесс осуществляется посредством онтодиалога бытия и сознания. Он формируется на основе ассоциативных коммуникативных связей, где важным условием является симметрия самоидентичности и социальной идентичности индивидов.

Это не только и не столько вопрос о некоем смыслообразовании, но вопрос о месте, пространстве-времени, а также о модусе, режиме сигнификации вообще, если смысл по определению коммуницируется и вызывает на ответную коммуникацию. По этой же причине дешифровка не может быть просто философской, а может иметь место лишь в конце философии, а также в конце любой логики, грамматики и литературы как таковых (в конце «мы» как первого лица множественного числа), чтобы выявилась трудность простого означивания такого рода: «С», «со» или «сообща», очевидно, не значит ни «одни вместе с другими», ни «одни вместо других». Оно подразумевает наличие внешнего (ребенок «в» матери, хотя и в ином смысле, также является внешним ей, будучи внутри нее). Но это последнее не означает просто «находиться рядом», «быть рядоположенным»¹¹⁷. Логика этого «со» - бытия, которое, по М. Хайдеггеру, является во времени коррелятом *Dasein*, – представляет собой уникальную

¹¹⁷ Хайдеггер М. Время и бытие. М. 1993.

логику, логику внутренне-внешнего. Такова, вероятно, логика сингулярности вообще: логика того, что не располагается полностью ни в области чисто внутреннего, ни в области чисто внешнего. Эти области тождественны: пребывать полностью вовне, вне всего, значило бы быть полностью в себе, пребывать исключительно в себе самом, – притом без какой-либо возможности выделиться в качестве «самого себя».

Поскольку конечную основу бытия индивида составляет его временность, преходящность, конечность, постольку, прежде всего, время должно быть рассмотрено как существенная характеристика бытия. Индивид, согласно утверждениям М. Хайдеггера, остро переживает временность бытия, но ориентация на перспективу дает ему подлинное существование, а «вечное ограничение настоящим» приводит к тому, что мир вещей в их повседневности заслоняет конечность субъекта. Такие понятия, как «забота», «страх», «вина» и т.п., выражают ментальный опыт субъекта, осознающего свою уникальность, а вместе с тем однократность, смертность. Такой опыт сосредотачивается на индивидуальном начале в бытии субъекта – на личностном выборе, ответственности, поисках собственного «Я», ставя при этом экзистенцию в связь с миром в целом¹¹⁸. Индивиды существуют сообща, со-вместно с «Другими». Диалог с «Другим» подразумевает именно взаимный обмен мыслительных активностей. В общении собеседник перестает быть «Он» и становится «Ты», который «воспринимает меня как воспринимающего его, и не просто как воспринимающего его, но как воспринимающего его восприятие меня и так до бесконечности»¹¹⁹. Диалог этот является онтологическим, поэтому, должен рассматриваться не как обмен репликами, но как бытие вдвоем, взаимодействие, имеющее общую территорию и общую перспективу.

Основными элементами структуры такого взаимодействия являются ее участники – это субъекты коммуникативного взаимодействия (в качестве коммуникантов могут выступать как отдельные индивиды, так и группы

¹¹⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 150.

¹¹⁹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. с. 49

индивидов или актанты), пространственно-временные параметры взаимодействия, все фрагменты социального и собственно сообщение. Коммуникативное взаимодействие всегда осуществляется в рамках некоторой коммуникативной ситуации. Под коммуникативной ситуацией в общем смысле понимаются конкретные условия социального мира.

В конкретной коммуникативной ситуации выделенным языковым функциям ставятся в соответствие определенные категории. Концептуальной функции, представляющей собой потенциал значений и посредством которой язык кодирует некоторый опыт социальности, – речевого партнера. А языковой субъект – свой индивидуальный опыт, ставит в соответствие категории «поле», посредством которой фиксируются типы процессов (локальные, пространственные и пр.) и т.д.¹²⁰

Выбор пространственно-временной локализации коммуникативной ситуации оказывается тесно связанным со стереотипами социальности. Так, субъект может полагать приемлемым для себя просить о чем-либо друга где угодно и когда угодно, но считать неудобным прийти к своему начальнику домой после рабочего дня по своей инициативе для обсуждения интересующих его производственных проблем¹²¹. Маркерами коммуникативных ролей могут выступать элементы поведения коммуникантов, характер со-расположения в дискурсе, одежда, характер обращения и т.д.

Дискурс занимает особое место в ряду элементов коммуникативной ситуации. Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога. Анализ разговора

¹²⁰ Шнейдер В.Б. Нормативные основания достижения адекватного понимания в актах речевой коммуникации. Екатеринбург. 1993.

¹²¹ Шнейдер В.Б. Коммуникация. Нормативность. Логика. Екатеринбург. 2002. с. 118.

с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию. В этом смысле беседа, собрание, слушание дела в суде, урок в классе – все они могут быть названы сложными коммуникативными событиями. Такие события можно далее расчленить на более мелкие коммуникативные акты, такие, как история в разговоре, иск адвоката в суде, объяснение урока учителем в классе. Некоторые из этих явлений, например рассказы или дискуссии, могут проявлять качества, которые характерны для коммуникативных актов и дискурсов в другом социальном окружении.

В письменных или печатных типах дискурса такая интеракциональная природа этого явления менее заметна: писатель, текст, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени. Но даже в этом случае следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия. Например, анализ значения дискурса, который представляется очень важным, может до определенного момента ограничиваться отвлеченным описанием значения самого текста, но эмпирически было бы более правильным говорить о значениях, выраженных с помощью самого высказывания или созданных им; или о значениях, возникших в процессе публикации текста писателем; или о значениях, которые приписываются тексту или извлекаются из него читателем. В этом случае, при определении значения дискурса, нужно учитывать стереотипные значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание социального мира. Следует добавить, что писатели создают формы и значения, которые предположительно понятны читателю или которые могут быть эксплицитно ему адресованы и которые вообще ориентированы на получателя, как это происходит в разговоре. В случае письменной коммуникации писатели и читатели также участвуют в процессе социального взаимодействия.

Традиционно тексту отводится ключевая роль в рассмотрении речекоммуникативного акта, при котором дискурс рассматривается как предмет понимания в контексте других элементов ситуации. В силу своей языковой природы дискурс предполагает специфический характер интерпретации, связанный с логико-лингвистической деятельностью. Textoобразующими параметрами являются слова, предложения, абзацы и другие единицы реконструкции языка в лингвистике¹²². Используя правила семантики и синтаксиса языковых единиц коммуникатор в состоянии кодировать в тексте некоторую информацию, т.е., таким образом, формируя, так называемые семантические поля. Семантические поля – области бессознательного, в которых «оседают» знания в виде системы образов понятий. Как известно, выделяют два вида семантических полей: 1) объединение слов по их отношению к одной предметной области - предметные, или денотатные; 2) объединение слов по их отношению к одной сфере представлений, или понятий – понятийные, или сигнификатные поля, например, обозначения состояний духа (чувств радости, горя, долга), процессов мышления, восприятия, возможности, необходимости и пр. Такие группировки слов имеют в основе оппозицию (парадигматические отношения). К синтагматическим относят группировки слов по их расположению относительно друг друга¹²³. Ю. Степанов называет их элементарными семантическими полями¹²⁴.

Ядром элементарных семантических полей, по Ю. Степанову, является либо глагол, либо прилагательное, которые «притягивают» к себе слова других частей речи, обладающие лексической сочетаемостью с ними и, таким образом, структурируют постоянные смысловые связи. В результате расширения значения слова, появления у слова новых коннотаций, метафоризации и пр. и закреплении новых оттенков значений в языке, эти связи могут трансформироваться, что может привести к изменениям в понятийной системе. Поскольку части определяются целым, постольку в

¹²² Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. 1989. с. 121.

¹²³ Лингвистический энциклопедический словарь, М. 1991 г.

¹²⁴ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1986 г.

случае, если меняется часть, положение или свойство целого, меняются и все другие части, положения или свойства. Можно предположить также, что понятийные семантические поля (т.е. относящиеся к сфере представлений) содержат в себе конструкты, модусы, которые проявляются в кризисных ситуациях: «жизнь», «смерть», «голод», «любовь», «страх», «храбрость» и др.

Структурированные концепты, таким образом, индивид не создает каждый раз заново, при необходимости происходит «развертывание» сжатого концепта-образа до состояния синтаксической конструкции подобия-оппозиции. Концепты – сжатые и развернутые – составляют основу для формирования установок (диспозиций). Развернутые, проговоренные концепты служат прерогативой мыслительного акта, при помощи слов и разумному принятию установок как результату логических операций. «Свернутый» концепт или стереотип остается в сфере бессознательного и не требует речевого проговаривания, поэтому, скорее всего, воздействует на установки в границах интуиции, без осмысления происходящего. Переструктурирование фреймов, концептов может происходить спонтанно в результате коммуникации индивида и ее контакта с изменяющимися реалиями.

Весь объем обыденного знания не сводится, вместе с тем, к набору непроблематичных самоочевидностей. Обычная коммуникация предполагает с тем же успехом и проблемы, конфликты, догадки, предположения, разочарования, заблуждения и т.п. В данном случае речь идет о разворачивании стереотипной концепции со-гласия – не-со-гласия или диссонанса и консонанса.

Степень когнитивного диссонанса, по мнению Л. Фестингера¹²⁵, зависит от отношения диссонанса к консонансу и важности каждого из противоречивых когнитивных элементов. Есть два способа избавления от когнитивного диссонанса. Это можно сделать за счет уменьшения числа или значимости диссонантных элементов или увеличения числа и значимости

¹²⁵ Л. Фестингер. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000.

консонантных. Второй способ состоит в том, чтобы изменить один из диссонантных элементов и привести его, таким образом, к согласованности. Любой когнитивный элемент индивида может быть изменен: подвергая сомнению то, что он думает о самом себе, можно вызвать изменения в его понимании, а, меняя понимание, субъект движется в направлении изменения самоидентичности.

Структурирование (и переструктурирование) социального мира индивида происходит в результате освоения обыденного языка, при помощи которого также структурируется и объективная реальность, и в частности социальный порядок как компенсация биологической нестабильности индивида. Таким образом, индивид «заполняет» «пустой знак» своим собственным содержанием. Типизация повседневной жизни, рефлекслируемая в обыденном языке выражает интерактивные, обобщенные, значения, которые придают социальному порядку характер естественности, самоочевидности. Однако проблемные ситуации, связанные с динамизмом, внутренним противоречием социальной системы, обнаруживают недостаточность обыденного языка как средства легитимации социального порядка. Тем самым и возникает потребность в более высоких формах легитимации посредством концептуальных механизмов, вторичных моделирующих систем, таких как религия, философия, наука, миф, искусство¹²⁶.

Структурирование понятийной системы индивида происходит посредством наименования предмета или явления, а также его признаков. Главная проблема в механизме наименования заключается в том, что специфика отношения «язык – действительность» придает выбору отправителя в фазе кодирования сильный воздействующий эффект¹²⁷. Во-первых, при обработке слова проявляются его три разных компонента внутреннего состояния – референциальный, ассоциативный и эмотивный; во-

¹²⁶ Залуниин В.И., Мишина О.Н. Диспозиционная структура личности как археология субъективности и способ бытия социальных структур. Владивосток, Изд-во ДВГТУ, 2001 г.

¹²⁷ Р.М. Блакар. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., с. 95.

вторых, отправитель осуществляет выбор одного из нескольких возможных значений слова; в-третьих, язык представляет собой открытую и порождающую систему, вследствие чего создаются новые слова и выражения, не являющиеся нейтральными. Индивиды, конструируя высказываемые мнения для выражения своей перспективы, активнее всего используют стереотипные представления, которые оказываются на поверхности сознания и проще всего актуализируются. Отличительный признак стереотипа и состоит именно в том, что он начинает действовать еще до того, как включается разум. Эта форма понимания накладывает специфический отпечаток на данные, которые воспринимаются нашими органами чувств еще до того, как эти данные достигают рассудка. В тот момент, когда какой-то вид или род явлений становится объектом исследования, в сознании индивида уже существуют не только чувственные образы этих явлений, но и понятия о них. Таким образом, каждый пользующийся языком осуществляет структурирование, воздействие и принятие точки зрения.

М. Хайдеггер определяет точку зрения как «ценность»¹²⁸. То есть эта точка вбирает в себя перспективу как траекторию обзора и просмотра для зрения «во что-то метящего»¹²⁹. При этом недостаток собственной перспективы субъекта, восполняется точкой зрения «Другого», организующей вокруг каждого воспринимаемого объекта данного субъекта или каждой идеи целое поле виртуальностей и потенциальностей, способных актуализироваться только через «Другого»: «Другой релятивирует незнаемое, невоспринимаемое, понуждая меня охватить то, что я не воспринимаю, как воспринимаемое для Другого»¹³⁰.

Б.А. Успенский обогатил нарратологию новой моделью точки зрения, охватывающей наряду с литературой также и другие «репрезентативные» виды искусства, как, например, живопись и кино. Он различает «внешнюю»

¹²⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. с. 97.

¹²⁹ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. с. 98.

¹³⁰ Делёз Ж. Мишель Турнье, или Мир без Другого. Турнье М. Пятница. М., 1999. с. 286

и «внутреннюю» точки зрения, эта дихотомия проводится в следующих четырех планах:

1. «План оценки» или «план идеологии», где проявляется «оценочная» или «идеологическая точка зрения».
2. «План фразеологии».
3. «План пространственно-временной характеристики».
4. «План психологии».

Возникает специфическая, известная по другим типологиям проблема амбивалентности противопоставления «внешней» и «внутренней» точки зрения. Выражение «внутренняя точка зрения», по Б. Успенскому, имеет два разных значения, субъектное и объектное, т.е. обозначает: 1) изображение мира глазами одного или нескольких изображаемых персонажей (сознание фигурирует как субъект восприятия); 2) изображение самого сознания данного персонажа с точки зрения нарратора, которому дано проникнуть в его внутреннее состояние (сознание является объектом восприятия)¹³¹.

Лингвистические единицы и правила позволяют кодировать мысли, интенции, эмоции коммуникатора. Так, выбор слов связан с определенными концептами и референтами, выбор типа предложения – с соответствующими интенциями, порядок слов, структура сложного предложения или абзаца указывают на тема-рематические отношения, выделяют тему, разграничивают данную и новую информацию. Время указывает на то, когда было, имеет или будет иметь место событие или действие. Интонация участвует в формировании вопросительного или утвердительного типа предложения, а логическое ударение указывает на новую информацию или контролирует внимание слушающего. Такие характеристики, как темп речи, громкость, тон обозначают отношения говорящего, его эмоции и т.д.

Индивиды в современных обществах зависят от невидимых и зачастую неизвестных «Других», предоставляющих им большую часть информации о социальности. Информация, доходящая до широкой общественности, никогда не представляет полностью все события и процессы, имеющие

¹³¹ Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры. 2003. с. 116

место в социальном мире. Точнее, информация – высокоизбирательный и стереотипизированный образ происходящего. Данное соотношение практически неизбежно. И даже если бы было не так, сама общественность вряд ли хотела бы поддерживать высокую информированность о безграничном мире, находящемся далеко за пределами ее непосредственного опыта. Общественности требуется краткое, простое и очень тематизированное или стереотипизированное представление новостей. Индивиды обычно реагируют на новую информацию на основе внешних подсказок, определяющих то значение, которое данная информация может иметь для их ценностей и предрасположенностей; обеспечивается это, как подчеркивает Ф. Конверс, достаточно внимательным отношением индивидов к политике и в результате их знакомством с упомянутыми подсказками.

Чем ближе по времени данное представление было актуализовано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализации этого и аналогичных представлений в сознании. Напротив, чем больше времени прошло с тех пор, как индивид обращался к своему суждению и связанным с ним идеям, тем менее вероятно, что они будут мобилизованы; представление же, которое не было актуализовано в течение длительного времени, может оказаться совершенно недоступным, т.е. забытым.

Пример того, как мисс Шервин представляет военные действия в XX веке, опираясь на гравюру XVIII столетия, позволяет У. Липпману сомневаться в том, что индивиды могут самостоятельно создавать стереотипы и другие символические репрезентации – «картинки в голове», через которые воспринимаются отдаленные и даже смутно описываемые события. На самом деле, указывает он, «в чудовищно пестром беспорядке внешнего мира мы выбираем то, что наша культура уже определила для нас, и склонны воспринимать то, что мы выбрали, в той форме, в какой оно стереотипизировано нашей культурой»¹³².

¹³² Липпман У. Общественное мнение. М. 2004.

Многие стереотипы, к анализу которых обращается У. Липпман, являются неотъемлемыми чертами американской культуры: «коррупцированный политикан», «забастовка рабочих», «предвыборная борьба», «вольные фермеры». Но поскольку общество всегда порождает новые проблемы, значительное число стереотипов появилось лишь недавно. К примеру, исследования показали, что в дискуссии о «Поправке о равных правах» стереотипы туалетов «унисекс» и женских батальонов возникли как отражение организационных и идеологических потребностей соперничавших активистов. К. Лукер провел аналогичное исследование происхождения стереотипов «за право на выбор» и «за право на жизнь»¹³³, вытекавших из противоположных мировоззрений участников дискуссии об абортах. Влиятельный стереотип, возникший за последние годы, – «образ бездомных». Подобные стереотипы и фреймы важны в процессе поддержания осведомленности публики, поскольку они определяют, что общественность думает о том, о чем ее информируют; что в свою очередь определяет, чью сторону она примет в политических дискуссиях. Научный анализ опросов общественного мнения показывает, что нет такого вопроса, который не был бы истолкован в интересах тех, кому он задается.

Респондент, которому задается вопрос, обычно не обдумывает все суждения, которые могут оказаться связанными с данным вопросом; скорее наоборот, ответ на вопрос формируется на основе любых доступных, мобилизованных в сознании суждений. В некоторых случаях оказывается доступным только одно суждение, одна точка зрения; в других – два или три суждения, и тогда респондент выстраивает ответ, приближая, усредняя эти суждения, сравнивая доводы за и против. Суждение – это термин для обозначения любого основания для решения индивида по какому-либо политическому вопросу. Суждения состоят из когнитивной и аффективной составляющих, т.е. представлений, связанных с объектом, и его оценки на основе этих представлений. Суждения являются результатом процесса, в

¹³³ Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. с. 51.

котором люди воспринимают новую информацию, решают, принимать ли ее, и затем конкретизируют ее, отвечая на вопрос.

Индивиды постоянно находятся под воздействием потока политических новостей и информации, значительная часть которой направлена на изменение общественного мнения в том или ином направлении. Но, вследствие низкого в целом уровня внимания к политике, большинство индивидов вообще оставляют большинство вопросов без ответов. Известно, что неответы являются большим местом опросных институтов, использующих все средства, чтобы сократить, минимизировать и даже спрятать их¹³⁴.

Определяемые социальностью и поддерживаемые элитой стереотипы могут играть решающую роль в формировании общественного понимания событий, находящихся «вне досягаемости, вне вида, вне понимания». Но они могут быть важны даже в отношении вопросов, находящихся в пределах непосредственного опыта индивидов. Когда элиты разделяются, индивиды склонны принимать позицию тех элитных групп, чьи убеждения, идеологию они разделяют; при этом самые политически осведомленные представители общественности в наибольшей степени отражают идеологические разделения элитных групп.

Политическая информация, представленная в дискурсе элиты, никогда не является просто информацией, поскольку неизбежно избирательна и неизбежно «запакована» в стереотипные точки зрения, которые выводят на передний план только часть того, что происходит. Вследствие этого существующее общественное мнение по определенному вопросу редко может рассматриваться как прямая реакция на состояние дел. Даже проблемы, находящиеся в пределах непосредственного опыта многих граждан (бедность, гомосексуализм, расовое неравенство и др.), могут пониматься по-разному, в зависимости от того, как связанные с ними факты представлены или стереотипизированы, а также от того, какая идеологическая позиция элиты с ними связана. Сложно не согласиться с

¹³⁴ Бурдые П. Зондаж: "наука" без ученого. М.: Социологос, 1994.

утверждением У. Липпмана, что в то время как ортодоксальная теория поддерживает представление, что общественное мнение формирует моральные суждения относительно каких-либо фактов... (было бы более разумно считать, что)... общественное мнение является в высшей степени морализированной и кодифицированной версией происходящего¹³⁵. Таким образом, при обращении по ходу изложения к информации о политике, представленной в дискурсе элиты, имеются в виду стереотипы, опорные фреймы и «подсказки» о позиции лидеров мнения, которые позволяют индивидам формировать концепции и, что более важно, мнения о событиях, выходящих за пределы их личного опыта.

Чем выше уровень когнитивной вовлеченности индивида, тем более вероятно, что он будет понимать политические сообщения, связанные с тем или иным вопросом. Сообщения, которые человек получает, бывают убеждающими и подсказывающими.

Индивиды склонны критически воспринимать аргументы, не согласующиеся с их политическими предрасположенностями, но только лишь в той мере, в какой они обладают контекстной информацией, необходимой для понимания отношений между этими аргументами и своими политическими предрасположенностями. Иначе говоря, граждане, обладающие низким уровнем внимания к политике, зачастую не будут и подозревать о том, что означает для них принятие убеждающих сообщений в идеологическом плане, а в результате это принятие будет ошибочным. В соответствии с данным тезисом граждане рассматриваются как автоматически реагирующие, не рассуждающие существа: если они хорошо информированы, то механически реагируют на политические сообщения на основе подсказок об идеологическом значении этих сообщений, а если слабо и не способны идентифицировать подсказки, то склонны некритически воспринимать любую предлагаемую им информацию.

¹³⁵ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

Первое условие адекватного ответа на политический вопрос состоит в способности представлять его именно как политический; второе – в способности, представив вопрос как политический, применить к нему чисто политические категории, которые, в свою очередь, могут оказаться более или менее адекватными, более или менее изошренными и т.д. «Второй принцип, согласно которому люди могут производить мнение, это то, что я называю «классовым этосом», т.е. система латентных ценностей, интериоризованных людьми с детства, в соответствии с которой они вырабатывают ответы на самые разнообразные вопросы»¹³⁶.

Индивиды по-разному оценивают разные аспекты большинства проблем и выстраивают ответы на вопросы интервью на основе тех суждений, которые по какой-то причине оказываются на поверхности сознания. Если у людей обычно нет устойчивых установок, и они формулируют свои ответы на основании тех суждений, которые оказываются актуализированными в данный момент в их памяти, то исследователи должны сталкиваться с высоким уровнем неустойчивости ответов в массовых опросах.

По утверждению Дж. Цаллера, в случае проявления людьми нестабильности установок, выражая в разное время совершенно противоположные позиции, они все-таки могут выражать истинные чувства в том смысле, что они высказывают такое мнение о вопросе, какое у них сложилось на данный момент. Хотя восприятие проблемы может со временем измениться, ответы из-за этого не теряют аутентичности¹³⁷.

Еще одна закономерность обнаруживается в ходе этого анализа: мнений по проблеме тем больше, чем более в ней заинтересованы. Мнение, выражаемое как таковое, спонтанно – это суждение людей, мнение которых, как говорится, имеет вес. Завоевание автономии, очевидно, более сложно и, следовательно, медленно в случае наук о социальном мире, которые должны отрывать каждого от собственных, т.е. исследовательских проблем под

¹³⁶ Бурдые П. Общественное мнение не существует. М. СПб. 2005. с. 274.

¹³⁷ Дж. Цаллер. Происхождение и природа общественного мнения. М.:Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. с. 165.

давлением заказа и под соблазном запроса. В нынешней ситуации это давление проявляется наиболее коварным образом в службах опроса общественного мнения, через безличные механизмы его социального функционирования, не оставляющего времени на то, чтобы исправиться, повторить результаты, перепроверить техники и методологии, переопределить проблемы, отказываясь от первого побуждения принять их, раз они находят непосредственный отклик в расплывчатых и путаных вопросах повседневной практики¹³⁸.

Эффект навязывания проблематики, эффект, производимый любым опросом общественного мнения и просто любым вопросом политического характера – результат того, что в ходе исследования общественного мнения задаются не те вопросы, которые встают в реальности перед всеми опрошенными, и того, что интерпретация ответов осуществляется вне зависимости от проблематики, действительно отраженной в ответах различных категорий респондентов.

В опросах общественного мнения идею объективности связывают с фактом формулирования вопросов в наиболее нейтральных терминах ради того, чтобы уравнивать шансы всех возможных ответов. На самом деле, опрос оказался бы ближе к тому, что происходит в реальности, если бы в полное нарушение правил «объективности» предоставлял респондентам средства ставить себя в такие условия, в каких они фактически находятся в реальности, т.е. апеллировал бы к уже сформулированным мнениям. Обычно говорят о «выборе позиции»: позиции уже предусмотрены и их выбирают. Между тем их выбирают не случайно. Останавливают свой выбор на тех позициях, к избранию которых предрасположены в соответствии с позицией, уже занимаемой в каком-либо поле. Строгий анализ как раз нацелен на объяснение связей между структурой смысловых позиций и структурой поля объективно занимаемых позиций. В обстановке, когда формируется общественное мнение, особенно в обстановке кризиса, индивиды оказываются перед сформировавшимися стереотипными мнениями, перед

¹³⁸ Бурдые П. Зондаж: «наука» без ученого. М.: Социологос, 1994.

мнениями, поддерживаемыми отдельными группами, и таким образом выбирать между мнениями со всей очевидностью означает выбирать между группами.

На деле индивид поступает в зависимости от реально сложившейся расстановки сил общественного мнения, которые воздействуют на его понимание только в той мере, в какой они обладают силой, и в той мере, в какой они обладают силой, – они мобилизованы. Известно, что любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто ее применяет. Можно даже сказать, что суть любого отношения сил состоит в проявлении своей силы только в той мере, в какой это отношение как таковое остается сокрытым.

Таким образом, бытие как со-бытие бытия дается в каждом акте рефлексии как изначальная и существенная данность любого сущего. Сущее является предикатом бытия, т.е. оно определяется со-бытием, а поскольку имеется тождество бытия и времени, постольку бытие самоопределяется. Бытие, становясь со-бытием бытия, само налагает свой предел или границу, где возникает вопросно-ответная система, т.е. диалог или язык. В связи с этим на границе проявляется смысл того или иного события, который выявляется в его описании. Таким образом, на границе утверждается тождество существования и мышления или бытия и языка.

Для вынесения какого-либо определения используются стереотипы. Стереотип, являясь границей, в которой проявляется смысл, способствует процессу интерпретации индивидом пространства социального посредством онтодиалога бытия и сознания. Он формируется на основе ассоциативных коммуникативных связей внутренне-внешнего, где важным условием является симметрия самоидентичности и социальной идентичности индивидов. Таким образом, возникает тождество со-бытия и стереотипа.

Для определения или описания требуются определенные языковые структуры, понятия и категории, выполняющие концептуальную языковую функцию. Все понятия образуют семантическое поле, которое представляет собой область бессознательного. В семантических полях содержатся знания в

виде системы образов понятий, т.е. происходит языковое «сжатие». Субъект пользуется готовыми «свернутыми» стереотипными концептами, структурируя и переструктурируя наличное бытие, т.е. выводит их на уровень мышления.

Самоопределение социальной целостности необходимо разворачивается из точки «Я». Субъект осмысливает социальное только через свое собственное бытие. Это указывает на субъективность восприятия мира. Субъект познает бытие как собственное так и «Другого» и бытие «Другого» как собственное; это познание происходит в онтодиалоге с «Другим». «Другой» создает избыточность субъективности, что полагает самопознание или самопонимание.

Тождество мышления и существования утверждает себя как язык, где точка сущности языка совпадает с самоименованием. Саморефлексия языка как точка самопонимания мышления может определяться как точка субъекта в потоке субъективности или «точка зрения» исследователя в движении саморазворачивания структур знания. Самоименование языка является метафорическим процессом, в котором язык определяет собственные смыслы. Метафора как языковое тождество подобна смыслу мышления, или сущности существования. Она собирает различные категории языка в точку тождества, задавая тем самым общее движение и напряжение языка, которое актуализируется в ней, выполняя свою функцию. Так социальное целое предстает в одной точке или части – в метафоре, т.е. в одном фрейме. Поскольку фрейм – это структура знаний для представления стереотипной ситуации, постольку социальная целостность сворачивается в точке стереотипа как части. Но, выделив один фрейм, выделяется тем самым целая система фреймов, в результате происходит разворачивание точки в целое. И каждый раз, сворачиваясь и разворачиваясь, социальная целостность постоянно находится на границе, т.е. представлена в точке стереотипа.

Граница соединяет и в то же время разделяет. Разворачивание стереотипной концепции со-гласия – не-со-гласия или диссонанса и консонанса представляет часть социальной целостности, где происходит

планирование и анализ общественного и политического дискурса, где индивид предстает как респондент. Политическая информация «запакована» в стереотипные точки зрения, которые выводят на передний план только часть того, что происходит. Здесь стереотип как схема действует защитным средством члена определенного сообщества, использующего стереотипные представления, которые оказываются на поверхности сознания и проще всего актуализируются. Отличительный признак стереотипа и состоит именно в том, что он начинает действовать еще до того, как включается разум.

Итак, во второй главе «Со-бытие коммуникативной реальности в пространстве стереотипичности» социальная реальность рассматривалась в тождестве с коммуникативной реальностью и задавалась как со-бытие бытия в пространстве, организованном структурами стереотипа.

Бытие сущего есть со-бытие, оно при-сутствует в «пространстве» времени. Сущее находится в отношениях общности и различия, т.к. общность является временной структурой, различие – пространственной. Таким образом, сущее, как сущее, о-пределено или о-граничено, то есть, положены границы этого сущего, т. е. со-бытия бытия. Для того чтобы быть, необходимо быть ограниченным. Граница разделяет и, одновременно, соединяет. Для построения определения сущего, используются готовые стереотипы.

Благодаря стереотипам, индивид получает возможность интерпретировать социальное пространство посредством онтодиалога бытия и сознания, поскольку стереотип является той границей, которая разделяет и соединяет и где утверждается тождество существования и мышления или бытия и языка и таким образом проявляется смысл. Основанием онтодиалога бытия и сознания являются ассоциативные коммуникативные связи внутренне-внешнего. Условием формирования онтодиалога является симметрия самоидентичности и социальной идентичности индивидов. Таким образом, возникает тождество со-бытия и стереотипа.

В процессе диалога участвуют коммуникатор, адресат и контекст их связующий. Адресат получает некоторую информацию от коммуникатора, имеющего определенный запас знаний в некотором контексте, посредством стереотипной интерпретации сообщения и контекста его представления в собственном понятийном контексте интерпретации. Интерпретатор осуществляет рефлексию над ситуацией интерпретации с целью определения специфических особенностей характера возникающей коммуникативной ситуации, модельной реконструкции и пути получения соответствующих репрезентаций коммуникативной ситуации, для того, чтобы сконструировать конечный вариант контекстной модели как непосредственный контекст, с точки зрения которого высказывание представляет свой смысл.

Таким образом, социальная коммуникация представляет собой замкнутую систему, состоящую из трех компонентов: информации как диалога говорящего и слушающего, сообщения как процесса передачи информации и понимания как восприятия информации. Это означает, что коммуникация целостна, и эта целостность соответствует тому способу, которым вырабатывающая информацию система структурирует собственный аутопойезис. Аутопойезис коммуникационной системы, предполагающий регулярную продолжаемость через дальнейшую коммуникацию, невозможен без языка. Языковая коммуникация – это, прежде всего переработка смысла в звуковом субстрате. Через различение звука и смысла язык наделяет коммуникацию способностью к мимолетному приспособлению к мимолетным ситуациям; а затем также и способностью к смысловым конструкциям, позднее подтверждающимся либо опровергающимся. В силу этого коммуникация может подсоединяться к коммуникации и всегда имеется возможность высказывания. Язык дает возможность предвидения или предопределения того, что может быть сказано позднее. Язык также может – в более или менее разработанной форме – обозначать нечто «уже-не» или «еще-не»-существующее.

Коммуникативное взаимодействие всегда осуществляется в рамках некоторой коммуникативной ситуации. Под коммуникативной ситуацией в

общем смысле понимаются конкретные условия социального мира. Дискурс занимает особое место в ряду элементов коммуникативной ситуации. Дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Он не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога: личностные и социальные характеристики говорящего и слушающего, а также другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию. Выбор пространственно-временной локализации коммуникативной ситуации оказывается тесно связанным с социальными стереотипами, т.к. они оказываются маркерами коммуникативных ролей.

Поскольку язык возникает как устная коммуникация, которая предполагает говорящего и слушающего, постольку это ведет в свою очередь к возникновению речи. Речь состоит из предложений. Свободно сцепленные слова объединяются в предложения и таким образом обретают некоторую форму: временную по отношению к коммуникации – воспроизводящую словесный материал. Когда речь передает сообщение, она сама не исчезает. Единство произносимой речи объединяет говорящего и слушающего, а также контекст без чего речь была бы невозможной. В результате такого диалога обеспечивается понимание.

Всякая грамматическая единица или конструкция в речи используется для передачи данного объема знания в стереотипном фрагменте речевой деятельности, для участия в котором она была создана. Все понятия структурируют семантическое поле, которое представляет собой сферу бессознательного. В семантических полях находятся знания в виде системы образов понятий, т.е. происходит языковое «сжатие». Готовые «свернутые» стереотипные концепты используются для структурирования и переструктурирования данного бытия, т.е. выведения их на уровень сознания, в связи с чем, индивид «заполняет» «пустой знак» своим собственным содержанием. Индивид структурирует понятийную систему

посредством наименования предмета или явления, а также его признаков. Для выражения своей перспективы индивиды активнее всего используют стереотипные представления, которые оказываются на поверхности сознания и проще всего актуализируются. Таким образом, индивид, пользуясь языком, осуществляет структурирование, воздействие и принятие точки зрения. Эта точка является перспективой зрения или как траекторией обзора. Недостаток собственной перспективы субъекта, восполняется точкой зрения «Другого», которая организует вокруг каждого воспринимаемого объекта данного субъекта или каждой идеи целое поле виртуальностей и потенциальностей, способных актуализироваться только через «Другого». Подобной точкой выступает метафора или стереотип.

Заключение

Предметом социальных исследований все чаще становится социальный стереотип. Повышенный интерес к данному феномену объясняется отнесением его к разряду основных регулирующих начал социального бытия индивида. Актуальность темы исследования обусловлена определением пространства бытия социальных стереотипов, сферы их смыслоположения как социальной субъективности, представленной на пределе в структурах повседневности, которая может саморефлексироваться в дискурсе социального субъекта.

Когда социальность задается как нерелексируемая повседневность или самоочевидность тогда индивид трансформируется в нерелексирующее существо, заданное действием «социального инстинкта». На пределе подобного представления, индивид превращается как бы в «природный механизм». Происходит исчезновение субъективности, смысла социальной реальности и смысла языка. Пространство социального бытия становится пустым, организованным как пространство «пустых» мест, «пустых» знаков. Социальность становится симулятивной, распадается на «атомы». Возникает проблема представления социального как целого, наполненного смыслом.

Социальная субъективность на пределе смысла объективируется в языковых стерео-типах как социальных типизациях, проявляющихся в «место»-положении социального индивида как типа, существующего в пространстве социальной нормативности. Возникает условие объективации субъективного в стереотипах мышления, где повседневность задается как бессознательное, а социальные структуры повседневности существуют как архетипы. Первичная субъективность объективируется или оповседневливается и, затем, обнаруживается как некая внутренняя объектность. Возникает отношение между внешним социальным пространством существования стереотипов как области бытия социальных объектов и взаимодействий, выраженных в структурах социального

поведения индивидов, и внутренним пространством положения стереотипов как архетипов «коллективного бессознательного».

Существуя в языковом пространстве, стереотип существует и в социальном пространстве, т.к. они тождественны. Индивиды, представленные в пределах стереотипа «усвоенного прошлого опыта», предъявленного в языковых структурах, являются частью повседневной социальности или социальной группой, где самоочевидность тождественна интуиции существования. Стратегия, как адекватный языковой конструкт ситуации, задает оптимальную траекторию движения индивида в пространстве социальной группы, существующей в границах той или иной констелляции. Подвижность социального пространства предъявляется через движение границ как смену ситуаций, где индивид переходит с одной траектории движения на другую, осуществляя «перевод» с языка одной ситуации на язык другой. Во время смены ситуации индивид вынужден постоянно вычленять ее релевантные черты и следить за переходом одной ситуации в другую.

Трансформации социальной структуры влекут за собой изменения в пространстве стереотипов, т.е. возникают своего рода «зазоры» или «слепые зоны». Осложняется процесс понимания социальности в структурах стереотипа. Вместе с этим индивид обнаруживает социальность в ее изменчивости, появляются условия для рефлексии, открывая, что повседневность не тождественна сама себе. Она немислима без того, чтобы выходить за пределы. Повседневность сосуществует с внеповседневным, где языковым структурам придается отличный от повседневного смысл. Она, как и всякая социальная структура, представляющая собой совокупность ситуаций, присутствует в силу своего отсутствия, обнаруживаясь на пределе языка и мышления.

Социальный стереотип как конструкт категоризированной субъективности формируется в некоем коммуникативном пространстве на когнитивных основаниях. Стереотипы выступают маркерами

повседневности, налагая границу между социальным сходством и различием. Различия реконструируют «перво-забытые» языковые смыслы.

Социальное или языковое пространство представляет «смысловое поле» как целостность иерархически организованных фреймов. Языковые понятия типизируют опыт, делая его анонимным. Фреймы задаются дискурсивными рамками, представляя сущность социальной целостности как коммуникативной реальности. Коммуникативная направленность в пространстве задается как граница между всеобщим и единичным, тождественным и различным.

Знания репрезентируются в знаках естественного языка как дискурс в «модели ситуации» коммуникативного контекста. В основе ситуационных моделей лежит категоризированная субъективность, которая структурируется языковыми концептами и существует в границах концептуального поля социальной реальности.

Язык как устная коммуникация предполагает говорящего и слушающего. При передаче сообщения, речь не исчезает, т.е. она не является вещью. Последовательность звуков «как таковая» задает общность, а последовательность звуков в пространстве – различие. Появляется дистанция говорящего и слушающего. Единство произносимой речи объединяет говорящего и слушающего, а также контекст без чего речь была бы невозможной. В результате такого диалога обеспечивается понимание. Индивид интерпретирует стереотипную информацию в рамках некоторой ситуации интерпретации.

Результатом диалога говорящего и слушающего является факт коммуникации «как таковой». Возможно существование неточного или неправильного понимания, интерпретации или еще какой-либо ретроспективной коммуникации о коммуникации. Проблемы коммуникации обращаются к коммуникации, т.е. точки коммуникатора и реципиента тождественны. Система замыкается. Возникает аутопойезис языка социальной коммуникации как автономной самоорганизованной целостности, самоопределяющейся в структурах со-общения как

самопонимающего диалога говорящего и слушающего, существующих в контексте коммуникативной ситуации, обусловленной презумпцией смысла коммуникатора.

Стереотип как граница, где утверждается тождество существования и мышления или бытия и языка и таким образом смыслоположения, способствует процессу интерпретации индивидом пространства социального посредством онтодиалога бытия как мышления, на основе симметрии самоидентичности и социальной идентичности индивидов. Граница полагается как связь и разделение одновременно. Таким образом, бытие сущего есть со-бытие. Структура со-бытия бытия «подобна» процессу понимания как смыслопорождающей деятельности субъекта. Таким образом, возникает тождество со-бытия и стереотипа.

Субъект структурирует со-бытие, пользуясь «свернутыми» стереотипными концептами, т.е. выводит их на уровень мышления. Только в со-бытии с языком как с «Другим» индивид как со-беседник становится субъектом способным рефлексировать пространство социального. Интерсубъективность обнаруживается не только в отношениях между отдельными субъектами, но является сущностью каждого субъекта.

Самоопределение социальной целостности необходимо разворачивается из точки «Я» как точки саморефлексии субъективности. Тождество мышления и существования утверждает себя как язык, где точка сущности языка совпадает с самоименованием субъекта в «место»-имении как «место»-положении субъективности. Саморефлексия языка как точка самопонимания мышления может определяться как точка субъекта в потоке субъективности или «точка зрения» исследователя в движении саморазворачивания структур знания. Самоименование языка является метафорическим процессом, в котором язык определяет собственные смыслы. Метафора как языковое тождество подобна смыслу мышления, или сущности существования. Она собирает различные категории языка в точку тождества, задавая тем самым общее движение и напряжение языка, которое актуализируется в ней, в структурах категоризации субъективности.

Социальное целое предстает в одной точке как в метафоре, т.е. фрейме, задавая самоопределение социальной целостности в точке субъекта как события социального бытия, в которой осуществляется саморефлексия языка на пределе социального пространства, организованного в структурах стереотипа. Стереотип как предельная точка самоопределения социального бытия оказывается точкой границы, с которой открывается как бы феномен «двойного» видения, т.е. обнаруживается возможность представления структур мышления в объективированных структурах бытия, проявляющихся в языковых конструктах категоризированной субъективности как субъект-объектное тождество.

Стереотип как событие самоопределяющейся социальности существует в темпоральных структурах. Как унаследованные структуры существования и мышления стереотипы организуются в языковых конструкциях перфекта, т.е. как «прошлое-в-настоящем». Динамика социального бытия на границе проявляется в тождестве с языком как метафора «перевода» языка социально-исторической традиции, где происходит самоопределение бытия «настоящего» в структурах «прошлого». Можно говорить о том, что социальное понимание самоопределяется в структурах пред-понимания или пред-рассудка, обеспечивая возможность внутреннего диалога исторической традиции в точке стереотипа, который прочитывается в контексте социальной коммуникативной ситуации, предъявляясь в конструктах естественного языка. Стереотип как точка тождества «прошлого» и «настоящего» является условием мышления, или саморефлексии социальной субъективности как повседневности.

Стереотип как «слепое пятно» оказывается «пустым» местом субъективности, т.е. условием «место»-положения субъекта. Обнаружение границы сложившихся представлений есть, одновременно, выход за ее пределы. В языке, при этом, происходит исчерпание стереотипных значений некоторых слов в определенных коммуникативных ситуациях. Слово становится как бы «пустым», возникает нонсенс, или парадокс. Это положение соответствует состоянию «нулевой» субъективности и «нулевой»

коммуникативности, или неопределенной ситуации социального контекста. «Пустое» место как «прокол» или «скважина» является условием «скольжения» означающих социального дискурса в коммуникативной ситуации, где происходит пересечение коммуникативных траекторий как социальных стратегий. Язык самоопределяется в со-в-местности означающих в топике метонимии. Текст социального пишется-читается через «пустое» место социального, т.е. через точку неререфлексирующего индивида, которое маркируется как местоположение социального стереотипа. В этой точке все индивиды типизированы, т.е. каждый индивид является точкой со-в-местности со всяким «другим» индивидом, где стереотип существует как «место»-положение социального типа или точка связности социального пространства. Типизация социального есть условие его категоризации в языковых фреймах или языковых концептах, где метонимия и метафора обеспечивают подвижность языковых значений, задавая возможность прочитывания-заново «уже»-существующих понятий социального дискурса.

Библиографический список

1. Автономова Н. С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. – 90 с.
2. Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1988. – 135 с.
3. Антипов Г. Методологические принципы анализа социального бытия текста / Г. А. Антипов, Т.В. Морозова // Методологические проблемы научно – исследовательских программ. – Новосибирск, 1983. – 83 с.
4. Аристотель Сочинения в 4 т.: Т. 2 – М.: «Мысль», 1978. – 426 с.
5. Аскольдов С. А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. – 269
6. Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма // Социологос. Вып. 1. – М., Прогресс, 1991. – С. 159-169.
7. Аутвейт У. Реализм и социальная наука // Социологос. Вып. 1. – М., Прогресс, 1991. – С. 141-157.
8. Баранов А.В. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 15.
9. Барт Р. Мифология. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. 312с.
10. Барт Р. Нулевая степень письма / семиотика. Онтология. М.: академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 327 – 370.
11. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512с.
12. Бахтин М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа //Бахтин М.М. Литературно – критические статьи. – М.,1986. – 213 с.

13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., Academia – Центр, МЕДИУМ, 1995. (фрагмент). – 323 с.
14. Бергсон А. Материя и память. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1992.
15. Бернштейн Б.М. Традиции и социокультурные структуры. – СЭ. 1981. №2. – с. 107 -108
16. Бивин Д. Вацлавик П. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, паталогий и парадоксов взаимодействия. М.: Апрель-Пресс, 2000. – 410 с.
17. Бикбов А. Имманентная и трансцендентная позиция социологического теоретизирования // Пространство и время в современной социологической теории. – М., изд-во «Институт социологии РАН», 2000. – С. 11-25.
18. Бикбов А.Т., Гавриленко С.М. Пространственная схема социальной теории как форма объективации властного интереса теоретика: Парсонс / Фуко / Пространство и время в современной социологической теории. М.: Институт социологии РАН. С. 33 – 65.
19. Бисималиева М. О понятиях «текст» и «дискус» // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С. 78-83.
20. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.
21. Бланшо М. Пространство литературы. Пер. с франц., М.: Логос, 2002. – 288 с.
22. Блау П.М. Различные точки зрения на социальную стурктуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль. М. 1996. 560 с.
23. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. – 311 с.

24. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 96с.
25. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб, 2000. – 83 с.
26. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: 1995. – 174 с.
27. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. – 389 с.
28. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион-Русская книга, 2003. – 190 с.
29. Борисов Е.В. Диалог как судьба. Со-бытие с Другим в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера, М. 2003.
30. Брудный А. Понимание и текст // Загадки человеческого понимания. – М., 1991. – С. 114-128.
31. Бубер М. Я и ТЫ. М.: Высшая школа, 1993. – 173 с.
32. Буданцев Ю. П. В контексте жизни. Системный подход и массовая коммуникация. М. 1979.
33. Бурдьё П. Начала. М.: Социологос, 1994. – 288с
34. Бурдьё П. Зондаж: "наука" без ученого // Начала. М.: Социологос. М., 1997. – С. 276-285.
35. Бурдьё П.Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. 1996. №5. С.36-49.
36. Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. №45. 2000.– С. 22-87.
37. Бурдьё П. Практический смысл. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 562с.
38. Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии института социологии российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2001. С. 107 – 138.

39. Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с французского. М.: Праксис, 2003. 272с.
40. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. - 334с.
41. Бурдьё П. Символическое пространство и символическая власть // THESIS, 1993 (весна). С. 135 – 150.
42. Бурдьё П. Общественное мнение не существует. М. СПб. 2005
43. Бушмакина О.Н. Герменевтика в аспекте конструктивизма: проблема реальности. Материалы шестой Российской университетской академической научно-практической конференции. Ижевск, 2003.
44. Бушмакина О. Философия постмодернизма. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. – 152с.
45. Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления. Метафора постмодерна. Монография. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998. 272с.
46. Вагнер Г. Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Теория общества. Сборник; Пер. с нем., англ. - М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», - 1999. - СС. 236 – 260
47. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Мн.: Пропилеи, 1999. – 176с.
48. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Социологос. Вып. 1. – М., Прогресс, 1991. – С. 39-50.
49. Ваттимо Д.. Прозрачное общество. Логос. М., 2003. – 124с.
50. Вацлавик П. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М.: Речь, 2000.– 308 с.
51. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. – 643 с.
52. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. – 190с.
53. Вирилио П. Машина зрения. С-Пб.: «Наука», 2004. – 140с.

54. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. Пер. с нем. М.: Издательство «Гнозис», 1994. - 612 с.
55. Вишке М. Герменевтика, философия и этика: тенденции новейшей интерпретативной литературы произведений Х.-Г. Гадамера // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. – Мн.: ЕГУ, 2001. - С. 99-107
56. Выготский Л. С. Мышление и речь / Ред. Г. Н. Шелогурова. М.: Лабиринт, 1996. – 414 с.
57. Гадамер Х.-Г. Герменевтическое первенство вопроса / Логика и риторика. Минск, 1995. С. 59 – 610.
58. Гадамер Х.-Г. Деконструкция и герменевтика // Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова В.Б. СПб, 1999. С. 243 – 255.
59. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
60. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация (Из немецко-французских дебатов с участием Ж. Деррида, Ф. Форгета, М. Франка, Х.-Г. Гадамер, Й. Грайша и Ф. Ларуэлля) // Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова В.Б. СПб: «Наука», 1999. С. 202 – 242.
61. Гайденко П. П. Человек и история в экзистенциальной философии К. Ясперса. М., 1991. - 328 с.
62. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997. – 423 с.
63. Гегель Г.В.Ф. Наука логики в трех томах. Том.1. М.: «Наука», 1970. 356 с.
64. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Пер. с нем. СПб.: «Наука», 1992. 444 с.
65. Гийому Ж., Мальдидьес Д. О новых приемах интерпретации, или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура

- смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. С. 124 – 136.
66. Гиренок Ф. Симуляция и символ: вокруг Ж. Делеза // Социологос. 1997.– М., Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 215-234.
67. Гольдман С. Теория информации. М.: ИЛ., 1957. – 235с.
68. Горковец А. Коммуникация и мифологический дискурс // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. – Новосибирск, 1990. – 149 с.
69. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. с. 752.
70. Грякалов А. Текст и коммуникация: К метафизике текста М.М. Бахтина // Коммуникации в культуре. – Петрозаводск, 1996. – С. 29-33.
71. Гусев С. Организация текстов и смысла // Логика и теория познания. – Л., 1990. – С. 75-86.
72. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 614 с.
73. Гуссерль Э. Феноменология // Зарубежная феноменология и экзистенциализм (Тексты и комментарии). Ч.1.— Киев, 1989. – 320с.
74. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ / Сост. В.В.Петрова; Пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 310с.
75. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 1 – М: «Мысль», 1989. – 480 с.
76. Делёз Ж. Критика и клиника; Пер.с фр. СПб.: Machina, 2002. - 240с.
77. Делез Ж. Логика смысла. М.: Издательский центр «Академия», 1995. - 299с.
78. Делёз Ж. Мишель Турнье, или Мир без Другого. Турнье М. Пятница. М., 1999. с. 286
79. Делёз Ж. Ницше; Пер.с фр. СПб.: Аксиома, 2001. - 184с.

80. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: «Петрополис», 1998. - 284с.
81. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. Пер. с фр., М.: Издательство «Логос», 1997. - 264с.
82. Делёз Ж. Фуко. Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. 1- 72с.
83. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. - 260с.
84. Деррида Ж. Differance; Пер. с фр.// Е. Гурко «Тексты деконструкции»/ Ж. Деррида «Differance». Томск: Водолей, 1999. С. 124 - 158.
85. Деррида Ж. Голос и феномен. И другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. - 208с.
86. Деррида Ж. О грамматики. М.: Ad Marginem, 2000. - 512с.
87. Деррида Ж. Подпись-событие – контекст / Дискурс. 1996. №1. С. 5 – 98.
88. Деррида Ж. От экономики ограниченной к экономике общей: Безоговорочное гегельянство / Письмо и различие. – СПб., Академический проект, 2000. – С. 317-351.
89. Деррида Ж. Страсти // Socio-Logos' 96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. – М., Socio-Logos, 1996. – С. 257-302.
90. Деррида Ж. Хора // Социологос. S / A 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 122-170
91. Дридзе Т. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // ОНС : Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145-152.
92. Дридзе Т. Текстовая деятельность в структуре социальной

- коммуникации: Пробл. семиосоциопсихологии / Отв. ред. И.Т. Левыкин. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
93. Дмитриев А.Н. Политика теории: «левое» и «правое» в социологической классике и современности // Альманах Российско-французского центра социологии и философии института социологии российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 227 – 270.
94. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., Канон, 1995. – 352 с.
95. Жижек С. Возвышенный объект идеологии; Пер. с англ. М.: Художественный журнал, 1999. - 240с.
96. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М. "Лабиринт". 1998. С. 149.
97. Залунин В.И., Мишина О.Н. Диспозиционная структура личности как археология субъективности и способ бытия социальных структур. Владивосток, Изд-во ДВГТУ, 2001.
98. Зарецкая Е. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. – 476 с.
99. Засурский И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е гг. М., МГУ, 2001.
100. Зверева Г. Онтология новой интеллектуальной истории // Вестн. РГГУ. М., 1999. №3.
101. Зверева Г. Реальность и исторический нарратив // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.
102. Зиммель Г. Как возможно общество? Избранное. Том 2. Созерцание жизни – М., Юрист, 1996. – С. 509-526.
103. Зепп Х.Р. Образ и метафизика. Хайдеггеровская медиальная интерпретация произведения искусства // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Мн.: ЕГУ, 2001. С.86 – 98.
104. Каменская О. Текст и коммуникация. М.: Высш. шк., 1990. - 328с.

- ^{105.} Кант И. Критика чистого разума. Сочинения в шести томах. Т. 3. Академия наук СССР. Институт философии. Издательство социально-экономической литературы «мысль». М. 1964. 799 с.
106. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.:ИТДГК «Гнозис», 2002. 331 с.
107. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака// Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. 3-е изд. - Ч.2. - С.85-93.
108. Касавин И.Т. Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 431 с.
109. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. Спб: Изд. "Шиповник", 1912, - 327 с.
110. Кассирер Э. Проблемы человека в западной философии. М. 1988.
111. Качанов Ю.Л. Начало социологии. – М., Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.
112. Качанов Ю.Л. О проблеме реальности в социологии // S–A'97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. – М., Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 57 – 81.
113. Качанов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности; М.: Ad marginem, 1995. – 224с.
114. Качанов Ю.Л. Проблема обоснования социологии и пространство – время социального мира // Пространство и время в современной социологической теории. – М., Институт социологии РАН, 2000. – С. 146 – 154.
115. Качанов Ю.Л. Резервы и тупики марксистской социологии: целостность и тотализм // Социологос. Вып. 1. – М., Прогресс, 1991. – С. 125 – 139.
116. Качанов Ю.Л. Социология социологии: антитезисы. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб, Алетейя, 2001. – 185 с.

117. Качанов Ю. Л. Эксперимент над истиной / Поэтика и политика. Сборник статей. – М., Институт экспериментальной социологии; СПб, Алетейя, 1999. – С. 73 – 118.
118. Качанов Ю.Л. Практическая топология социальных групп // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. – М.: Socio-Logos, 1996. – С. 49 – 93.
119. Кнабе Г. Проблема границ текста // Природа и социум в системе культуры: Материалы Междунар. науч. конф. (сент. 1998 г. , г. Киров). – Киров, 1999. – С. 27-35.
120. Колчина В. Субъективные основания социальной реальности: пространство смысла. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2004. – 137с.
121. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. – 149 с.
122. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М.: Высшая школа, 1965. – 240 с.
123. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. – 103 с.
124. Колшанский Г.В. Соотношение субъективного и объективного факторов в языке. М.: Наука, 1975. – 231 с.
125. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект). Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. - Краснодар, 1998. с.18-35
126. Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб., Алетейя, 2002. – 172с.
127. Косолапова Е. От текстуальной герменевтики к герменевтике социального действия // Новое понимание философии: проблемы и перспективы. – М., 1993. – 367с.
128. Кристева Ю. Знамена на пути к субъекту с. 289-296. // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. – 320 с.

129. Кристева Ю. Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. – 320 с.
130. Кристева Ю. Ребенок с невысказанным смыслом. с. 297-305 // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. – 320 с.
131. Кристева Ю. Читая Библию с. 278-288 // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. – 320 с.
132. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. – 560 с.
133. Кули Ч. Социальная самость в кн. Американская социологическая мысль. Международный Университет Бизнеса и Управления. 1996. – 560 с.
134. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997. - 184с.
135. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа; Пер с фр. М.: Гнозис/Логос 1998. - 432с.
136. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа; Пер. с фр. М.: Гнозис/Логос 1999. - 520с.
137. Лакан Ж. Семинары Книга 5. Образования бессознательного; Пер. с фр. М.: Гнозис/Логос 2002. - 608 с.
138. Лангакер Р. Когнитивная грамматика. М., 1985. – 80с.
139. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. – 368с.
140. Ленк Х. Схемные интерпретации и интерпретационный конструкционизм. Научные и вненаучные формы мышления. Симпозиум. Москва-Киль. Институт философии РАН. Кильский университет (ФРГ). Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1996. – 336 с.

141. Леонтьев А.Н. Психология образа. Вестник МГУ. Сер. 14. № 2. М. 1979.
142. Лещев С. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное: Монография. М.:Эдиториал УРСС, 2002. – 171 с.
143. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. с. 38
144. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Перевод с фр. Н. А. Шматко,. – М., Институт экспериментальной социологии; СПб., Алетейя, 1998. – 160 с.
145. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Перевод с английского и послесловие Б. Г. Соколова. – СПб, Алетейя, 2001. – 160 с.
146. Липпман У. Общественное мнение. М. 2004. – 384 с.
147. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. 1976.
148. Лотман Ю. Внутри Мыслящих миров. Человек – текст – семосфера – история / Тарт. ун.т. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 447 с.
149. Лотман Ю. Структура художественного текста: (Семиотические исследования по теории искусств). – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
150. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая категория//Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
151. Лузина Л. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматилистический аспекты). – М., ИНИОН РАН, 1996. – 139 с.
152. Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
153. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – 356с.
154. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. Вып. 1. – М., Прогресс, 1991. – С. 194-216.
155. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280с.
156. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464с.

157. Мальковская И. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 384с.
158. Манхейм К. Диагноз нашего времени.: Пер. с нем. И англ. М.: Юрист, 1994. – 700с.
159. Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. С.27
160. Манхейм К. Структурный анализ эпистемологии М.:ИНИОН РАН, 1992. – 40с.
161. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории традиции. – СЭ, 1981, №2, С.81.
162. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж.Делез и Ф. Гваттари о философии как творчестве концептов // Вопросы философии. 2002. №3. С. 147 – 159.
163. Маркова Ю.В. П. Бурдьё. Наука о науке и рефлексивность // Социологическое обозрение Т.3. №1. 2003.
164. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. – 368 с.
165. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Изд. группа "Прогресс", 1995. – С. 58 – 90.
166. Мерзляков А. Топология социального субъекта (герменевтический аспект). Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2003. – 142с.
167. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. – 606с.
168. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
169. Мотрошилова Н. В. История философии (в 3-х книгах). М., 1994. – С. 48 – 169.
170. Назаров М. Массовая коммуникация в современном обществе: методология анализа и практика исследования. М.: УРСС, 1999. – 364с.
171. Нанси Ж.-Л. О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 91 – 102.
172. Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. - 255с.

173. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2002. - 1040с.
174. Павиленис Р.И. Проблема смысла. М. 1983. – 286с.
175. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проспект, 2000. – 880с.
176. Парсонс т. Система современных обществ. М.: «Аспект Пресс», 1998. 270с.
177. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 478 – 493.
178. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса.// Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. С. 302 - 336.
179. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. С. 225 – 289.
180. Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. С. 105 – 123.
181. Полищук М. Социальная реальность как текст: проблема самоопределения смысла. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2002. – 137с.
182. Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 489с.
183. Почепцов Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук, 2002. – 302с.
184. Почепцов Г.Г. Семиотика. М., Киев. 2002. – 430с.
185. Почепцов Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. - 252 с.

186. Пригожин И. Переоткрытие времени. // Вопросы философии, 1989, №8. С.3-19.
187. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы / АН СССР, Институт славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
188. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМИ», Издательский центр Academia, 1995. 160с.
189. Рикёр П. История и истина/ Пер. с фр.; - СПб. Алетейя, 2002. 400с.
190. Рикёр П. Кант и Гуссерль. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX в. Томск, 1998. с. 187
191. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит, ст. И. Вдовиной. — М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. – 598 с.
192. Робен Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недоразумение // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. С. 184 – 195.
193. Руднев В. Прочь от реальности. Исследования по философии текста. – М., АГРАФ, 2000. – 432 с.
194. Рябов М. Топология социального тела. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2004. – 140 с.
195. Сепир Э. «Новое в лингвистике», вып.1. М. 1960; перепечатка «Зарубежная лингвистика. I», М., 1999; стр. 58-92.
196. Серль Дж. Метафора. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
197. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2002. –459 с.
198. Соколов Б. Г. Понимание со-бытия. Метафизические исследования. Альманах Лаборатория Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ, 1997.

199. Соловьев А. Коммуникация и культура: противоречие поля политики // Политические исследования. - М., 2002, № 6. – С.14 – 23.
200. Соловьев А. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Политические исследования. - М., 2002, № 3. – С. 11 – 31.
201. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. – М. «Прогресс», 1977. – 695 с.
202. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М., 1975. – 271 с.
203. Фестингер Л. Теория диссонанса// Пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб.: Речь, 2000. – 370 с.
204. Филиппов А. В. От структурного функционализма к неофункционализму. Социология Н. Лумана // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т4. М.: Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. С. 376 – 385.
205. Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. – 253 с.
206. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.
207. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. — М.: Физматгиз, 1977. – 246с.
208. Фреге Г. Логические исследования. Томск: Издательство «Водолей», 1997. – 128с.
209. Фрумкина Р.М. Сходство и классификация: некоторые общие вопросы. Экспериментальные исследования в психолингвистике. М. 1992
210. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. – 380с.
211. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448с.
212. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо–Логос. Вып.1. М.: «Прогресс», 1991. С. 284 – 311.
213. Фуко М. Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. - 288с.

214. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. – 574с.
215. Фуко М. Рождение клиники. М.: «Смысл», 1998. – 308с.
216. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Изд-во «Прогресс», 1977. – 488с.
217. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь мир», 2002. 144с.
218. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417с. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. – 380с.
219. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 195 – 206.
220. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. – 451с.
221. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. – 445с.
222. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Сборник // Под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа, 1991. – 192с.
223. М. Хальбвакс. Социальные классы и морфология. М., СПб.: Алетейя, 2000. с. 101
224. Хартли Р. Передача информации // Теория информации и ее приложения. – М.: Политиздат, 1959. – С. 37 -96.
225. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.:Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. – 559 с.
226. Шадрин А. Социально-философская дискурсивность в аспекте герменевтического анализа. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2004. – 136с.
227. Шеллинг Ф.В.Й. О конструировании в философии // сочинения в 2т. Т.2. М.: Мысль, 1989. - 636с.
228. Шеллинг Ф. В.Й. Сочинения в 2-т. Т.1. М.: Мысль, 1987. - 637с.
229. Шеллинг Ф. В.Й. философия откровения. Т.1. СПб.: «Наука», 2000. - 699с.

230. Шматко Н.А. Генетический структурализм П. Бурдьё // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т4. М.: Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. С. 386 – 403.
231. Шматко Н.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социс. 2001. №9. С. 14 – 19.
232. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры. 2003. – 312 с.
233. Шнейдер В. Б. Коммуникация, нормативность, логика. Екатеринбург, изд-во Урал. Ун-та. 2002. – 378с.
234. Шнейдер В. Б. Нормативные основания достижения адекватного понимания в актах речевой коммуникации. Екатеринбург. 1993.
235. Шюц А. Избранное: Мир, сетящийся смыслом. М. 2004. – 1055 с.
236. Эбнер Ф. Слово и духовные реальности.// От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам intersубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997.
237. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. - 432с.
238. Эко У. Открытое произведение. СПб, 2004. – 380 с.
239. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. - 331с.
240. Энтральго Л. Теория и реальность другого. История философии. М., 1997. № 1. с. 180
241. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Семиотика: Антология. М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 111 – 126.
242. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа аффатических нарушений // Теория метафоры Сб.; Пер. с англ., нем., фр., исп., польск. Яз. М.: Прогресс, 1990. С.110 – 132.
243. Ямпольский М. Демон и Лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). – М., Новое литературное обозрение, 1996. – 335 с.
244. Austin. J. How to do things with words. Oxford. 1962.
245. Eco U. The Role of the Reader. Bloomington etc. 1976.

246. Haley J. An Interactional Explanation of Hypnosis // Amer. J. of Clinical Hypnosis. 1958. Vol. 1.
247. Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics. Talking Minds. The study of language in Cognitive Science. Cambridge. 1994.
248. James W. Principles of Psychology. Vol. II. Chapter XXI. P. 283.
249. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society// The Communications of Ideas.- N.Y., 1948.
250. Searle J.S. What is a speech act? // Searle J.S. Philosophy of Language. 1971.